

Жан-Поль МАРАТ

ПАМФЛЕТЫ

Под общ.редакцией Ф.Кон
М.: гос. социально-экономическое издательство. 1937

Веб-публикация: редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#)

Содержание

Profession de foi

Проект «Декларации прав человека и гражданина» (август 1789 г.)

Что нужно было предпринять народу «назавтра» после революции 14 июля и 5—6 октября (декабрь 1789 г.)

Буржуазная политика Национального собрания

(июнь 1790 г.)

Обращение ко всем жителям столицы, выброшенным Национальным собранием из лона гражданского общества, как неактивные граждане (июль 1790 г.)

Мы погибли! (июль 1790 г.)

Нас усыпляют — будем на страже! (август 1790 г.)

Это прекрасный сон, — бойтесь пробуждения! (август 1790 г.)

Страшное пробуждение (август 1790 г.)

Верное средство разбить цепи деспотизма (октябрь 1790 г.)

Революцию необходимо продолжить (ноябрь 1790 г.)

Контрреволюционный заговор созрел (декабрь 1790 г.)

Отечество на краю гибели (февраль 1791 г.)

Революция продолжается (август 1791 г.)

Не законодательное собрание, а революционная власть (август 1791 г.)

Последнее прощание Друга народа с отечеством (сентябрь 1791 г.)

План революции, не удавшейся народу (июль 1792 г.)

Друг народа — французским патриотам (август 1792 г.)

Друг народа — храбрым парижанам (август 1792 г.)

Примирение с Жирондой невозможно! (март 1793 г.)

Жиронда обвиняет Марата (апрель 1793 г.)

Новая революция не закончена (июнь 1793 г.)

Краткие комментарии к статьям сделаны издателями.

Profession de foi

«Публицист французской республики», 30 марта 1793 г.

С конца ноября 1788 г., когда я посвятил свое перо делу защиты свободы, я так ясно развивал свои принципы, поведение мое было так неизменно и я высказывался в течение всей революции так решительно, так громогласно, что я не мог ожидать, что мне предложат сегодня снова изложить свое политическое исповедание веры. Однако это должно быть сделано, чтобы рассеять слухи, которые клевета не перестает распространять о моих действиях и намерениях.

В разгар революции, совершенной против угнетателей и вампиров народа, против привилегированных сословий и приспешников старого порядка, в разгар революции, задевшей столько страстей и различных интересов, я понял, что самой неотложной обязанностью доброго гражданина является надзор за государственными чиновниками, столь склонными злоупотреблять своими обязанностями, за носителями власти, готовыми на заключение союза с деспотом; в эту обязанность входит наблюдение за намерениями кабинета, разоблачение его козней, расстройство его заговоров и срывание маски с вероломных. Эту важную задачу я выполнял с испытанным рвением и энергией. Можно себе представить, сколько я создал себе врагов, и всем ясно, сколько они приложили усилий для поношения меня, чтобы лишить меня доверия народа, обречь на бессилие в деле предупреждения угрожающей ему опасности и указания ему способов, как от нее спастись.

Против меня написаны бесчисленные пасквили, наводнившие Францию. Поскольку клевета создавалась продажными перьями, я противопоставлял ей презрение. Теперь же она исходит из источника, хотя и более скрытого и менее грозного по виду, однако еще более отравленного. Орудием ее служат даже представители народа; уже шесть месяцев в собрании народных представителей гремят только их вероломные доносы; но самые опасные удары они наносят мне в своей тайной переписке.

В публичных объяснениях, имевших место между представителями обеих партий, на которые разделяется Конвент, государственные люди, — им было предложено высказаться обо мне, — были принуждены ограничиться одной жалобой; никто не посмел нападать на мои нравы, действия, мое поведение в частной жизни, но все обвиняли меня в чрезмерной пылкости взглядов, в ожесточенности речей и писаний; сам Бюзо ограничился тем, что изобразил меня как человека, который может быть опасен своей популярностью, своими знаниями, смелостью и горячностью своих речей.

Не буду повторять здесь ответов, которые я столько раз давал на их публичные выступления; но я не могу не отвергнуть тайных обвинений, которые они распространяют в департаментах.

Они обвиняют меня в том, что я непрерывно проповедую убийство и резню.

Я сто раз доказывал Национальному собранию, что ему никогда не удастся упрочить свободу, если оно предварительно не истребит контрреволюционных вожаков; я показал, что, бестолково пощадив сначала несколько сот преступных голов, народ будет вынужден затем рубить их тысячами. Злосчастные сентябрьские события и то, что произошло теперь в департаментах Вандеи, Нижней Сены и обоих Севров, служат жестоким доказательством этой истины; к несчастью, эти происшествия—не единственные в таком роде, и мудрость моих советов будет понята слишком поздно; лишь тогда, когда будет истреблено пятьсот тысяч патриотов, все поймут, наконец, что только предложенный мною способ мог спасти родину.

Они обвиняют меня в том, что я проповедую аграрный закон. Это беспримерная клевета: я не только никогда не проповедовал эту гибельную доктрину, которую считаю разрушительной для всякого гражданского общества, но я сотни раз жаловался на то, что утрированные принципы строгого равенства, которые совершенно не к лицу развращенному народу, скоро приведут незаметным для нас образом к такой роковой развязке.

Они обвиняют меня в честолюбивых намерениях, в стремлении к диктаторству. На это смехотворное обвинение я могу ответить лишь двумя словами: не для того я провел продолжительное время в подполье с целью более верного одоления деспотизма, подвергал себя в течение четырехлетних нападков на тиранию всем опасностям, всем страданиям, всем мыслимым бедствиям, приносил себя в жертву всем ударам, с целью обеспечить народу свободу и сразить его угнетателей, — не для того я делал это, чтобы навлечь на себя позор и считаться только лицемером и предателем, претендующим на власть и звания, которые я презираю. Я никогда не сделал ни одного шага для того, чтобы занять место депутата Конвента; я согласился на это в надежде, что смогу послужить в нем на пользу родине. Ничтожная польза, принесенная там мною, ничтожная польза, которую, как я предвижу, возможно еще принести там, ничтожная польза, принесенная самим Конвентом, давно уже рассеяла мои надежды. Я подал бы уже в отставку, если бы меня не удерживало ожидание неизбежных событий, которые потребуют принятия серьезных мер для общественного блага и надобность в которых придаст, вероятно, вес моим требованиям.

Пока же подтверждаю своей честью, что во всю жизнь не приму никакой доходной должности, никакого министерского поста, никакого места государственного чиновника. Я жажду лишь того момента, когда народ будет свободен и счастлив. Я жажду лишь того момента, когда я смогу вернуться в свой кабинет и посвятить остаток своих дней науке и размышлениям. Я сам призываю на свою голову презрение и смерть, если я когда-либо буду пытаться возвыситься над своими согражданами.

Но, увы! те, которые обвиняют меня в честолюбивых намерениях, понимают лучше кого бы то ни было другого всю бессмыслицу своих обвинений; они желают подвергнуть меня изгнанию лишь для того, чтобы лишить меня возможности разоблачать их и пресекать их преступные замыслы, — вот тайные мотивы их непрерывной клеветы. Преисполняя меня каждый день горечью, они бы уже давно вынудили меня к удалению, если бы я был столь же труслив, как они лицемерны.

Проект «Декларации прав человека и гражданина»

В августе 1789 г. Марат опубликовал проект «Декларации прав человека и гражданина», в котором он утверждает, что: «Получив от природы одинаковые права, люди должны сохранить и в общественном состоянии равенство прав»

Права человека

Всякий человек, рождаясь на свет, приносит с собой потребности, способности удовлетворять их, размножаться, постоянное стремление к счастью и безграничную любовь к самому себе — это повелительное чувство, с которым связано сохранение человеческого рода, но вместе с тем источник раздоров, борьбы, насилий обид, убийств, одним словом, всякого беспорядка, нарушающего, как кажется, естественный уклад, а в самом деле расстраивающего порядок общественный.

Все права вырастают только из потребностей человека. Последние всегда дают себя знать, но не так обстоит дело с первыми: чтобы обнаружить их, надо их искать, а поиски эти так трудны, что самые образованные умы редко приходят к одинаковым выгодам. Постараемся, однако, развить их.

Человек получил вместе с жизнью непреодолимое стремление сохранить, защищать ее и сделать ее приятной; поэтому он имеет право предпринимать все для ее защиты и присваивать все, что ему требуется для пищи, для содержания себя, для безопасности и счастья. Как только он научается удовлетворять свои потребности, природа возлагает на него заботу о самосохранении и собственном благополучии; поэтому он имеет право свободно пользоваться всеми своими способностями; став, таким образом, полным распорядителем всех своих действий, он пользуется неограниченной свободой.

Пока природа в изобилии дает людям пищу и одежду, все идет хорошо, и на земле может царствовать мир. Но когда у одного из них всегда недостает, он имеет право вырвать у другого излишек того, что тот имеет в изобилии. Что говорю я? Он имеет право вырвать у него необходимое и имеет право, вместо того, чтобы погибать от голода, зарезать его и пожрать его трепещущее тело. Опустим занавес перед этой ужасной картиной, заставим на мгновение умолкнуть голос предрассудка, и пускай нам скажут, что можно возразить против такого вывода, в основу которого положен бесспорный принцип.

Для продления своих дней человек имеет право покушаться на собственность, на свободу, даже на жизнь себе подобных. Чтобы избавиться от угнетения, он вправе угнетать, поработать, истреблять. Для обеспечения своего счастья он вправе предпринять все, и какую бы обиду он ни нанес другим, руководствуясь своей выгодой, он только уступает непреодолимой склонности, заложенной в его душе его творцом.

Этим ограничиваются естественные права человека, права бесспорные и в меру их способностей равные у всех отдельных лиц, какие бы различия ни внесла в них природа...

Права гражданина

Гражданские права каждого отдельного лица являются, в сущности, лишь естественными правами, уравновешиваемыми правами других лиц и ограниченными в том, чем они могли бы их нарушать. Ограниченные таким образом, они перестают быть опасными для общества и должны быть дороги всем его членам, покой которых они обеспечивают. Отсюда проистекает принимаемое на себя каждым обязательство уважать права другого, чтобы обеспечить себе мирное пользование собственными; таким образом, общественный договор придает священный характер естественным правам.

Получив от природы одинаковые права, люди должны сохранять и в общественном состоянии равенство прав. Гражданские права включают личную безопасность, из которой проистекает чувство спокойствия ввиду невозможности никакого угнетения, личную свободу, обеспечивающую правильное пользование всеми физическими и умственными способностями, права собственности, которые включают мирное пользование тем, чем обладаешь.

При разумном устройстве общества члены государства должны ввиду тех самых прав, которые они имеют от природы, пользоваться приблизительно одинаковыми преимуществами. Я говорю – приблизительно, так как нельзя требовать строгого равенства, которое не может существовать в обществе и которого нет даже в природе; небо дало разным людям различную степень восприимчивости, ума, воображения, ловкости, расторопности и силы, следовательно, неодинаковые средства трудиться для своего счастья и приобретать блага, которые они доставляют. Но не должно быть иного неравенства богатств, которое проистекает из неравенства природных способностей, из лучшего употребления времени или стечения каких-либо благоприятных обстоятельств. Закон должен даже предотвратить слишком большое их неравенство, определяя границы, за которые они не должны переходить. И в самом деле, без известного соотношения между богатствами выгоды, извлекаемые из общественного договора тем, кто не имеет никакой собственности, сводятся почти ни к чему. Какие бы он ни имел заслуги, ему невозможно приобрести богатство, и если он не обладает гибкостью, способностью к интриге, лукавством, он будет лишь прозябать. Таким образом, в то время как богатый, пользующийся уважением, вниманием, покровительством, имеет все радости жизни, в то время как он должен только требовать, чтобы получать, и приказывать, чтобы его слушались, бедный ощущает свое существование лишь как лишения, усталость, страдания. Для него предназначен тяжелый труд, для него — низкие, отвратительные, вредные, опасные ремесла; для него предназначены нужда, рабство,

презрение. Самая свобода, утешающая нас в стольких страданиях, ничто для него: слишком ограниченный, чтобы вызывать в ком-либо подозрение, он не понимает счастья быть защищенным от ударов властей, и какая бы революция ни произошла в государстве, он не чувствует уменьшения своей зависимости, всегда пригвожденный к изнурительному труду. Наконец, если он получает какую-либо выгоду от лучшего управления, то она выражается в том, что он платит несколько дешевле за черный хлеб, которым он питается.

В государстве, где богатства являются плодом труда, умения, талантов и гения, но где закон ничем их не ограничивает, общество обязано обеспечить тем своим членам, которые не имеют никакой собственности, средства к жизни, чтобы они могли кормиться, одеваться, оплатить приличное жилище, на которые они могли бы иметь уход во время болезни и в старости и воспитывать своих детей. Это — награда за то, что они пожертвовали ему своими общими правами на произведения земли и за взятое ими на себя обязательство уважать собственность сограждан. Но если оно обязано оказывать эту помощь всякому человеку, уважающему установленный порядок и старающемуся быть полезным, то оно не обязано ничем бездельнику, отказывающемуся работать.

В обществе, в котором богатства очень различны и в котором самые большие богатства являются почти все плодом интриги, шарлатанства, милостей, растрат, угнетения других, вымогательств, те, которые обладают избытком, должны оказывать материальную помощь тем, которые лишены необходимого.

В обществе, в котором некоторые привилегированные лица, живущие в праздности, роскоши и удовольствиях, пользуются собственностью бедняка, вдовы и сироты, справедливость и разум требуют также, чтобы по крайней мере часть этой собственности пошла, наконец, по своему назначению при помощи разумного раздела между гражданами, лишенными всего; честный гражданин, которого общество покинуло в нужде и отчаянии, возвращается в естественное состояние и имеет право требовать вооруженной рукой тех прав, которые он мог уступить лишь для получения больших; всякая власть, противодействующая этому, тиранична, и судья, приговаривающий его к смерти, только подлый убийца. Наконец, всякий гражданин имеет право на самое точное осуществление правосудия и на лучшее из правительств.

Что было нужно предпринять народу «назавтра» после революции 14 июля и 5—6 октября

После выступления народных масс 5—6 октября 1789 г. либеральная буржуазия отошла вправо,— поэтому Марат предлагает провести чистку Национального собрания, Парижского муниципалитета и окружных комитетов.

«Друг народа», 29 декабря 1789 г.

С ужасом мы обращаем наш взор на тучи коварных врагов, живущих среди нас, на их непрерывно возобновляющиеся заговоры, на их все новые покушения.

С печалью мы обращаем наш взор на роковое ослепление народа, на мимолетные вспышки ярости, которым он предается в моменты кризиса, на тупое безразличие, какое он проявляет мгновение спустя, на отсутствие плана и последовательности в его действиях, на алчность, скупость, продажность интриганов, желающих руководить им, чтобы заковать его в цепи и ограбить.

История не знает другого примера революции, подобной происшедшей у нас. Она представляет естественное следствие крайностей управления, пороков грабителей, всеобщей испорченности нравов, она была совершена благодаря глупости вождей и невероятному стечению обстоятельств, ибо мудрость и храбрость парижан, которые так восхваляются, в ней не принимали почти никакого участия.

Но если небо, по-видимому, постаралось предоставить нам неповторяемые случаи разорвать наши цепи, то мы сделали все, что зависело от нас, чтобы упустить их и не извлекать из них ни малейшей пользы.

Революция была бы доведена до конца и свобода утверждена навсегда, если бы 15 июля десять тысяч парижан отправились походом на Версаль, чтобы встряхнуть Национальное собрание и вымести из него аристократов и прелатов, которое не имеют никакого права заседать в нем.

Революция была бы доведена до конца и свобода утверждена без малейшего насилия, если бы 6 октября патриотические члены собрания не сделали ошибку, обличив триста аристократов, намеревавшихся бежать из боязни расправы с ними, и если бы они не совершили неловкости, отказав им в выдаче паспортов.

Вместо того чтобы воспользоваться этими средствами устрашения для исключения их навсегда, они дали им время оправиться от страха и кончили тем, что сами оказались поработанными. Для того чтобы надеть цепи на народ, который приводил их в ужас, укрепиться против него и противопоставить ему национальную милицию, враги общества прибегли к закону о военном положении, к этому кровавому с опасностью для нас самих, ценою нашей крови, — вы бесчеловечно требуете от нас, чтобы мы пожертвовали тремя днями труда, который едва в состоянии дать нам хлеба, точно вы хотите нашей гибели от нужды.

Не подлежит сомнению, что революция вызвана восстанием мелкого люда. Кроме того, несомненно, что взятием Бастилии мы обязаны главным образом десяти тысячам бедных рабочих Сент-Антуанского предместья.

Для того чтобы предоставить нам печальную привилегию подавать свой голос за тех, кто будет иметь честь обуздывать нас и счастье жиреть за наш счет в силу ваших декретов, вы варварски требуете от нас, чтобы наши отцы и их сыновья не были ни банкротами, ни несостоятельными должниками, не сделав исключения для честных людей; как будто недостаточно быть доведенными до нужды, будучи ограбленными ловкими мошенниками; как будто вы хотели бы посмеяться над нашими несчастьями, наказывая нас за их надувательство.

Как ужасна наша жизнь! К нам небо было всегда немилосердно. И ныне, поскольку во всех своих предположениях вы считаете нас за ничто, у нас отнимается даже надежда. Неужели ваши сердца останутся замкнутыми дан нас? Отцы отечества! Вы захватили немало принадлежащего беднякам, чтобы оплачивать придворных сарданапалов, фаворитов королевы, пенсионеров короля, ростовщиков, биржевых игроков, вымогателей, взяточников, расточителей, расхитителей, пиявок государства. Не довольствуясь тем, что оставили нас в самой ужасной нужде, вы отнимаете у нас наши права, наказывая нас за преступления злых и за жестокости судьбы. Нужно ли указывать на наши заслуги, чтобы избавить себя от угнетения? вспомните бурные кризисы, когда хватались за оружие, чтобы отразить кровожадные легионы, свергнуть деспотизм и спасти отечество, стоящее на краю гибели. Мы были везде, куда призывала нас опасность, готовые проливать свою кровь для вашей защиты. И три месяца подряд мы одни выдерживали тяготы трудной кампании, ежедневно жарились на солнце, терпели голод и жажду, тогда как богатые прятались в подвалах, вышли из них только после кризиса, чтобы захватить командование, занять все почетные и влиятельные места. Мы жертвовали собою ради вас, а теперь в награду за наши жертвы мы не имеем даже утешения считаться членами того самого государства, которое мы спасли. Какие же могут быть у вас основания так недостойно обращаться с нами? Бедняк — такой же гражданин, как и богач, — вы согласны с этим; но вы заявляете, что он скорее может продать свой голос. Вы думаете? Посмотрите на все монархии мира: не богатые ли составляют презренную орду придворных? Разве не богатые составляют эти бесчисленные полчища честолюбцев, добивающихся милостей решительно всеми средствами, жертвуя для этого своей честью? В Париже нет таких брдяньов, которые в течение первых трех месяцев революции не отдали бы отечеству пятнадцати дней бесплатной службы; за это их по меньшей мере следовало бы признать активными гражданами.

Если не считать того небольшого числа неимущих, которых вы развратили в презренные века рабства, то разве не богатые являются приспешниками деспотизма — в сенате, в министерстве, в судах, даже в армии? Разве не бедняки везде первые возвышают свой голос против тирании и поднимаются против своих угнетателей? Если бы они были так склонны продаваться и если бы они добивались только золота, они брали бы его, когда находили случай к тому. И кто мешал им в первые дни восстания подвергнуть ваши дома разграблению? Кто мешал им ограбить дома, преданные ими пламени? Поймали ли хотя бы одного из них убегающим с добычей? А затем, если даже страх умереть от нужды больше соблазняет бедняка уклониться от выполнения долга, то разве это может служить основанием для отнятия у него его прав? Разве нужно калечить людей потому, что они злоупотребляют своими руками?

Но не во имя признательности и вечной справедливости, — нет, во имя общего блага мы умоляем вас не оскорблять природу и вспомнить, что мы такие же граждане, как и вы; ибо вы забыли, что мы ваши братья. Как! в момент, когда отечество больше всего нуждается в силах, чтобы отразить многочисленных врагов, скрывающихся в его пределах, вы стараетесь умножить их самой ужасной несправедливостью? Имейте в виду, что во всякой революции тот, кто не за отечество, оказывается против него.

Это серьезнейший довод за то, чтобы все честные граждане требовали прав для бедняка. Если, к несчастью, снова наступит время кризиса, то, вместо того чтобы прийти на помощь, он будет иметь все основания оставаться глухим, оставаться неподвижным и задушить нас.

В самом деле, что еще сможет привязать к общественному делу людей, не могущих принять в нем никакого участия? Они должны в конце концов становиться его врагами. Мы все умоляем быть менее несправедливыми по отношению к нам. Мы принесли родине все жертвы, какие зависели от нас, и теперь, когда у нас уже ничего не остается, что мы могли бы предложить ей, вы требуете новой контрибуции от нас, уже платящих очень тяжелые налоги на предметы первой необходимости. Но подумали ли вы, что обложить активных граждан прямым налогом в размере трех рабочих дней значит исключить из их числа три четверти жителей королевства?

Это еще не все. Вы не только не пришли нам на помощь, стараясь смягчить наши бедствия, — вы заставили нас вдвое сильнее почувствовать нашу нищету, унизив нас несправедливым декретом, который лишает нас и наших потомков права гражданства, потому что мы потерпели значительные потери, потому что мы имели несчастье испытать неудачу в наших предприятиях, потому что мы оказались жертвами нечестности других. Сколько невинных, заклейменных позором! И как увеличат еще их число бедствия наших дней, отсутствие работы, упадок ремесел, мануфактур, торговли! И в государстве, таким образом, останется лишь очень небольшое количество подданных, которые смогут претендовать на честь почитаться гражданами, — несчастье, которое угрожает общественной свободе. Ибо, поскольку избирательное право ограничится людьми достаточными, будут выбираться только богатые; страна превратится, следовательно, в их удел, и народ будет без всякой защиты отдан им на их усмотрение. Что мы выиграли от уничтожения аристократии, если на смену ей пришла аристократия богачей? И если мы должны стонать под игом этих выскочек, то лучше было бы сохранить прежние привилегированные сословия.

Таковы неизбежные последствия вашего несправедливого декрета. Но сколько еще предстоит других, способных заставить вас трепетать от страха, если бы вы могли предвидеть их! Да, напрасно хотите вы остановить ход реформ и установить для них тот или другой предел. Умы пришли в движение, они остановятся, лишь придя к цели, и размышление неизбежно должно привести их к равенству первоначальных естественных прав, которое вам легко было увидеть и которого вы стремитесь лишиться нас. Ведь когда плотина прорвана, воды морские непреодолимо следуют своему падению и останавливаются только тогда, когда устанавливаются на своем уровне. И ведь это равенство прав означает равенство в пользовании благами жизни — единственное основание, на котором может остановиться мысль. И кто знает, долго ли еще француз захочет не выходить из круга идей, за который он должен был бы уже выйти.

Отцы отечества! Вы любимцы судьбы. Мы не требуем от вас ныне, чтобы вы поделились своими владениями, тем имуществом, какое небо дало людям для общего пользования: осознайте всю глубину нашей умеренности и во имя вашего собственного интереса забудьте на некоторое время о соблюдении своего достоинства, перестаньте на некоторое время предаваться сладким мечтаниям о своей важности, взвесьте на минуту ужасные последствия, какие может иметь ваша необдуманность. Отказывая нам в праве гражданства ввиду нашей бедности, трепещите, как бы мы не избавились от нее, отняв у вас избыток.

Трепещите, как бы не разорвать наше сердце несправедливостью, как бы не довести нас до отчаяния и не оставить нам другого пути, как предаться всякого рода эксцессам, или, точнее, предоставить вас самим себе, ибо для того, чтобы поставить вас на место, нам достаточно оставаться со скрещенными руками; вынужденные тогда сами обслуживать себя и обрабатывать свои поля, вы станете равны нам. Но, менее нас многочисленные, сможете ли вы с уверенностью собрать плоды своего труда? Вы еще можете предотвратить эту революцию, какую неизбежно вызовет наше отчаяние, — вернитесь к справедливости и не наказывайте нас за зло, причиненное вами.

**Обращение ко всем жителям столицы,
выброшенным Национальным собранием
из лона гражданского общества, как неактивные граждане**

Марат указывает, что имущественный ценз лишает избирательных прав
«девяносто девять сотых жителей столицы».

«Друг народа», 24 и 25 июля 1790 г.

Добрые патриоты с ужасом предвидят, как незначительно будет число активных граждан, которые явятся на предстоящие выборы: неизбежное последствие декрета, отнимающего это право у девяноста девяти сотых жителей столицы.

Право активности гражданина есть, в сущности, лишь право простого гражданина, ибо нельзя считаться членом государства, если не иметь возможности участвовать в избрании уполномоченных народа, и человек становится чуждым отечеству, поскольку не может принимать никакого участия в общественных делах.

Для того чтобы быть членом государства, нужно жить в государстве; следовательно, оно и создает постоянное местожительство.

Прежде чем принимать участие в общественных делах, надо обладать знаниями и разумением; следовательно, момент, с которого начинается осуществление гражданских прав, определяется возрастом, когда большинство людей достигает умственной зрелости.

Чтобы содействовать общественному благу, надо обладать безупречной нравственностью; следовательно, осуществлять это право возможно только при честности поведения.

К истинным качествам, присущим гражданину, Национальное собрание добавило произвольное, взятое из сферы прямого обложения в пользу государства. И поскольку этот признак ограничивает число граждан теми, кто обладает некоторым достатком, поскольку это делает их решающей силой при изображении уполномоченных народа, его администраторов, его должностных лиц, его агентов, это смешивает все идеи, опрокидывает все отношения и отдает в руки этого незначительного числа избирателей судьбу государства.

Для того чтобы почувствовать всю несправедливость, всю жестокость, все варварство позорного декрета, который ставит в зависимость от платежа прямого налога свойство активности гражданина, рассмотрим вопрос с исторической точки зрения.

Только со времени революции французы перестали подчиняться приказам гордого владыки, который произвольно распоряжался их свободой, их имуществом, их жизнью, их честью; подчиняться воле тщеславного владыки, который смотрел на государство как на свою вотчину, который растрачивал на пиры и удовольствия общественное достояние для удовлетворения капризов бездарного и развратного господина, который отдавал своим министрам бразды правления, который допускал, чтобы они приносили в жертву своим низменным страстям интересы народа, благо государства.

Только со времени революции французы перестали быть рабами. Только со времени революции стали произноситься слова «свобода», «права человека и гражданина», «суверенитет народа», «подчинение монарха»...

Если Франция сделалась свободной, то этим счастьем она обязана храбрым гражданам, разбившим ее цепи, неимущим, не боявшимся опасностей и смерти и поднявшим знамя восстания, беднякам, которые первые взяли за оружие, сожгли заставы, пролили кровь свою перед стенами Бастилии.

И вот этих бедняков Национальное собрание лишает плодов свободы, которую они завоевали. Вот у этих граждан оно отнимает гражданские права, какие они завоевали для своих соотечественников, — Национальное собрание, обязанное им всем, вплоть до своего существования. И почему отнимает оно у них их права?

Потому, что едва имея средства для существования, они не могут платить государству прямой налог в три ливра, — они, кто платит ему столько косвенных налогов со своей скудной заработной платы, кто отдавал ему свой труд, кто подвергался ради него опасности и шел на смерть!

Декрет, который исключает их из собраний их сограждан, не только несправедлив и нелеп — он представляет собою акт неблагодарности, самой черной неблагодарности, о какой только упоминает история какого-либо народа; он безобразит летописи революции французского народа, покрывает позором первый год эры свободы.

Пусть только подумают, до какой степени оскорблены бедные жители столицы тем, что их исключили таким образом из гражданского общества! И они поэтому открыто заявляют, что в случае контрреволюции они не станут уже вновь подвергаться опасностям ради своих неблагодарных сограждан. Как раз этого хотят и этого добивались враги революции, министры, Национальное собрание, муниципальные чиновники, главный штаб Национальной гвардии, но именно этого не требуют интересы свободы.

Может ли явиться конституционным законом государства декрет, связывающий с прямым налогом квалификацию активного гражданина? Может ли он явиться регламентом муниципального управления? Может ли он явиться вообще законодательным актом? Нет, разумеется, ибо Национальное собрание, будучи лишь представителем народа, имеет задачу только отстаивать права народа, защищать его интересы, обеспечивать ему изобилие и мир и работать над упрочением его свободы, его покоя и счастья. Каким же образом может оно получить право посягать на права граждан, нападать на них, уничтожать их?

Следовательно, декрет, который требует от всякого честного француза, достигшего зрелого возраста, уплаты прямого налога, для того чтобы быть активным гражданином, не имеет никакой силы и недействителен.

Он недействителен также фактически, потому что противоречит декларации прав человека и гражданина, священному основанию конституции: ведь одна статья этой декларации формально устанавливает, что, поскольку все люди равны, они одинаково могут занимать все должности, без иного различия между ними, кроме различия в талантах и добродетелях.

Наконец, декрет этот должен быть отменен и с точки зрения его опасных последствий. Лишая права гражданства почти всех жителей городов и ограничивая класс избирателей классом людей состоятельных, он делает хозяевами выборов ничтожное меньшинство, все ответственные места превращает в удел богатства и интриги, предает интересы нации кучке честолюбивых мошенников, подвергает опасности общественную свободу и благо отечества, отнимает у народа плоды его усилий, его жертв, его побед, цель его стремлений и его самых сладких надежд.

Народ, который является подлинным сувереном государства, единственным источником всякой власти, имеет, несомненно, власть аннулировать декреты, умаляющие его права и права его членов.

Высказываются в том смысле, что последующим законодателям надлежит исправить несправедливые или вредные законы; это верно по отношению к законам, не подвергающим опасности общественное дело. Но это благое правило представляет собою лишь завет благоразумия и осторожности, чтобы избегать потрясений политического механизма и не делать со страстью того,

что должно быть сделано хладнокровно. С другой стороны, почему народ не может делать того, что могут делать его представители? И в данном случае это правило благоразумия неизбежно погубит государство, если народ пропустит декреты, отнимающие у него его права. Пока он ожидал бы созыва следующего законодательного собрания, нынешнее законодательное собрание отняло бы у него право и способы собираться, демонстрировать, защищать себя, отражать оскорбления, оно заковало бы народ его собственными руками, и беззащитное отечество погибло бы еще до того, как могли бы придти на помощь новые защитники и восстановить его в правах.

Таким образом, безусловно необходимо, чтобы этот позорный декрет был решительно отменен. Я приглашаю неимущих граждан предместий св.Антуана, св.Марселя, св.Виктора, св.Мартина, св.Дениса, св.Лаврентия — одним словом, всех неимущих граждан столицы считать его несуществующим, собраться безотлагательно; решительно и уверенно явиться в свои окружные участки; настойчиво требовать своего внесения в списки избирателей; смело пользоваться своим правом активных граждан, которое не может отнять у них никакая власть под солнцем. Если его станут оспаривать, я приглашаю их помнить, что сопротивление угнетению является естественным правом, правом гражданским, правом политическим, правом божественным и человеческим и что оно было торжественно подтверждено самим Национальным собранием.

Мы погибли!

Июль 1790 г.

Обращение ко всем гражданам

Марат предупреждает об опасности, которая грозит революции вследствие распоряжения военного министра о свободном проходе австрийских войск через территорию Люксембурга в смежные бельгийские провинции.

Граждане! Наши враги у наших ворот; министры открыли им границы под предлогом предоставления им прохода через нашу территорию; быть может, они в этот момент идут быстрыми шагами против нас. Король должен отправиться в Компьень, где готовятся апартаменты для его приема; из Компьени в Туль или Мец путь может совершаться инкогнито, что помешает ему присоединиться к австрийской армии и линейным войскам, которые остались ему верны. Вскоре к нему устремятся со всех сторон офицеры армии, все недовольные, особенно верноподданные Безенваль, д'Отишан, Ламбеск, Броглио. Один из министров, задержания которого я требовал, подлый Гюиньяр, изобличенный как вождь заговорщиков, уже бежал; его коллеги не замедлят последовать его примеру и отправятся в какой-нибудь город Лотарингии, чтобы образовать государственный совет, исполнительную власть. Король, этот добрый король, который презрительно отказался поклясться вам в верности на алтаре отечества, хранил глубочайшее молчание по поводу всех этих ужасов. Национальная следственная комиссия раскрыла рот только тогда, когда мина была обнаружена; муниципальная комиссия, продавшаяся двору, отказалась ухватить нить этих дьявольских комплотов; глава вашего муниципалитета и глава вашей милиции, осведомленной относительно всего происходящего, вместо того чтобы задержать министров, как велит им долг, способствовали побегу из тюрьмы предателя Бон де Саварден, для того чтобы лишить вас вещественных доказательств вероломства министра, а быть может, их собственного вероломства.

Для того чтобы помешать вам думать об угрожающих вам опасностях, они не перестают оглушать вас празднествами и держат вас в состоянии опьянения, чтобы вы не замечали готовых обрушиться на вас бедствий. Поверили бы вы, что ваш генерал, не упустивший ни одного средства обольщения, образовал против воли всех округов артиллерийский парк, чтобы вас разгромить; штаб вашей гвардии состоял из одних врагов ваших, находящихся на жаловании у принца; ваши батальонные командиры почти все подкуплены, и в довершение ужаса милиция состоит почти сплошь из людей пустых и слепых, забывших отечество ради ласк генерала.

Граждане всех возрастов и рангов! Меры, принятые Национальным собранием, не могут помешать вам погибнуть, и вы погибли навсегда, если вы не возьметесь за оружие, если вы не обретете вновь той героической доблести; которая от 14 июля до 5 октября два раза спасала Францию. Скачите в Сен-Клу, если еще не поздно, — возвратите короля и дофина в ваши страны; держите их крепко, и пусть они отвечают за события; заприте Австриячку и ее деверя, чтобы они не могли больше конспирировать; задержите всех миллионеров и их прислужников; бросьте их в тюрьму; возьмите под стражу главу муниципалитета и заместителей мэра; не спускайте глаз с генерала; арестуйте штаб, уберите артиллерийский парк с Зеленой улицы, овладейте всеми пороховыми складами; пусть округа восстановятся и останутся перманентными; пусть они заставят отменить пагубные декреты. Бегите, бегите, если еще не поздно, или многочисленные вражеские легионы обрушатся вскоре на вас; вы увидите, что привилегированные сословия тотчас воспрянут; деспотизм, страшный деспотизм возродится, более чудовищный, чем когда-либо.

Снесите пятьсот-шестьсот голов, и вы обеспечите себе покой, свободу и счастье; ложная гуманность удержала вас и приостановила ваши удары; она будет стоять жизни миллионам ваших братьев; пусть наши враги восторжествуют на момент — и кровь польется ручьями; они будут безжалостно душить вас; они будут распарывать животы ваших жен, и, чтобы навеки погасить в вас любовь к свободе, их кровавые руки будут искать сердца во внутренностях ваших детей.

Vive Liberta и Век Просвещения 2008 ©
Нас усыпляют — будем на страже!

Август 1790 г.

Марат разоблачает коварную полтину правительства, которое под видом покорности и смирения готовит новые козни против революции.

Сколь эгоистичны они, эти министерские люди, когда хотят действовать против народа! Сколько уловок употребляют они, чтобы его позабавить, очернить, обмануть, обольстить и погубить! Лукавство, лицемерие, плутовство, предательство, яд — излюбленное их оружие; они прибегают к силе только тогда, когда дело их начато солидно и все готово, чтобы нанести последний удар.

История утверждения деспотизма не что иное, как ужасное сплетение из коварства, происков, комплотов. Но если даже не существовало исторических памятников, простого изложения событий с момента, когда продвинули кровожадные войска, чтобы разрушить столицу в прах, после того как будут передушены все ее жители, — одного этого изложения было бы достаточно, чтобы показать, к каким средствам прибегают политики, чтобы поработить народ.

Под предлогом устранения причин, сокрушающих Францию тридцать лет, но с намерением побудить представителей нации взять на себя долг правительства и санкционировать присвоенную им привилегию выкачивать из населения последний грош, министерство созвало Генеральные штаты. Наскучив вечными раздорами трех сословий или, скорее, раздувая в сердцах привилегированных огонь разногласий, чтобы иметь предлог распустить штаты и шарить в наших карманах без их разрешения, оно блокировало столицу; многочисленная армия угрожала парижанам, готовая их сокрушить, если бы они стали сопротивляться. Их внезапное восстание расстроило эти варварские планы, разбив оковы нации. Хитрость сменила насилие, и впервые за два века уста деспота заговорили покорным языком страха. За угрожающим тоном заседания в присутствии короля 23 июня последовала смиренная просьба в сцене отречения от 16 июля; страх еще сковывал врагов государства; три сословия соединились без различия; дворянство и духовенство шли навстречу пожеланиям народа, и трепещущий монарх согласился на все. Но коварные министры строили новые козни.

Наконец, приступили к великому делу выработки конституции. В основу ее должны были лечь права человека и гражданина. Оправившись от транса, привилегированные сословия, побуждаемые кабинетом, пытались затягивать дело, тогда как сам кабинет, чтобы отвлечь народ, внушал ему страх умереть с голоду.

Всеобщая скупка хлеба, которая сделала обожаемого министра владыкой желудка французов, дала ему еще средство ежедневно наполнять государственную казну, притеснениями вызвать волнение в народе и заставить возвратить принцу командование войсками под предлогом успокоения народного движения. С первого же дня он создал себе опору в придворных, старался подкупить преданность представителей нации и заручиться расположением парижских депутатов. Он уже привлек на свою сторону муниципальных администраторов и их шефа, которые старались лишь потворствовать ему, помогать его агентам, укрывать их от народной ярости, обеспечивать им безнаказанность и наказывать добрых граждан, стремящихся разоблачить эти таинственные шаги неправедных или противившихся гнету. Он уже пленил коменданта и штаб буржуазной милиции, которые усердно поощряли его проекты и организовывали парижскую армию таким образом, чтобы заставить солдат-граждан покинуть отечество и сделать их орудием угнетения в руках их начальников. Они уже располагали Шатлэ, который уполномочен был отпускать министерских изменников и заговорщиков и губить ревностных патриотов, противодействовавших их посягательствам.

В то время как парижский мэр и генерал располагали всеми силами столицы и провинций на пятьдесят лье в окружности, министры парализовали силы всей нации с помощью военного закона, изданного для охраны всех изменников отечества, которых министры втянули бы в свои комплоты. Они замыслили новый заговор, вовлекли в него главных вождей армии, наполнили Лотарингию, Фландрию, Эльзас немецкими войсками, которые искони преданы были двору; король должен был присоединиться к ним, чтобы во главе их обрушиться на столицу, тогда как полк, не подчинившийся приказам Национального собрания, оттянутый к Версалию под предлогом поддержания спокойствия, должен был соединиться с лейб-гвардией, для того чтобы помочь бегству королевской семьи. Все было устроено для ее бегства в Мец. Организовывалось это бегство на глазах нации. Были приняты меры; банда негодяев должна была проникнуть в замок, ранить нескольких лейб-гвардейцев, убедить всех, чтобы король и дофин ускользнули от убийц, навлечь подозрение на преданных представителей и парижан, возмутить против них армию и роялистов, побудить их обрушиться на столицу, распустить законодательный корпус и убить наших самых верных защитников.

Две оргии, устроенные королевскими наемниками, на которых с презрением говорили об отечестве и проклинали Национальное собрание, не оставили никаких сомнений насчет темных намерений кабинета. Они посеяли тревогу в Париже; некоторые энергичные листки побуждали взяться за оружие; шестьдесят тысяч граждан всех сословий отправились в Версаль вопреки стараниям муниципалитета, генерала и штаба. Все склонялось перед священной любовью к свободе; злополучные заговоры вероломных министров потерпели неудачу; несколько прислужников искупили свои злодеяния своей кровью; были захвачены все подъездные пути. Однако министерские убийцы, спрятавшиеся в своих садах, явились под прикрытием сумерек к воротам замка; они обнаружили угрожающую им опасность и бежали.

Оправившись от оцепенения, министерство стало думать лишь о том, как извлечь пользу из поражения, обратив против отечества оружие его защитников; оно искусно прикрыло флером смешную махинацию заговорщиков и из-за воображаемого заговора против королевской семьи забыло о весьма реальном заговоре против нации; оно старалось выдать за изменников отечества его подлинных защитников, которым оно приписывало свои планы убийства. Оно сыпало золото полными пригоршнями; при помощи подкупленных шпионов оно состряпало донос против д'Эгильонов, Дюпоров, Ламетов в том, что они переоделись женщинами, чтобы напасть на апартаменты короля; оно побудило национальную и муниципальную следственную комиссию произвести дознание о честных парижских гражданах, которые 5 октября наказали королевских прислужников; оно подкупило Шатлэ и поручило ему подготовить их дело, в которое оно запутало несколько наших преданных представителей, заставляя против них свидетельствовать черных и сторонников министерства — изменников и клятвопреступников. Помощью именно этого нелепого фантома врагов революции всегда удавалось отвлечь публику и обмануть ее каждый раз, когда раскрывался какой-нибудь из их заговоров и изменникам отечества угрожало быть разоблаченными перед лицом нации.

Ужасный контрреволюционный проект, построенный генералом французской армии, изменником Мальбуа, под руководством одного из королевских министров, изменника Гюиньяра, представлен Капету по прозванию д'Артуа и приведен в исполнение Капетом по прозванию Конде.

Между парижским и туринским кабинетами установились тайные сношения; один из их главных агентов, изменник Саварден, переносивший иероглифные письма, запрятанные в несессере, арестован в Пон-де-Бовуазен и переслан в столичную тюрьму. Другой главный агент, изменник Риолес, доверенный министра-фаворита и переносчик иероглифных писем, зашитых в пояс его брюк, арестован в Бургуэне и перевезен в Пьер-ан-Сиз. Третий главный агент, г-н Гувло, переносчик шифрованных писем, зашитых в подкладку шляпы, также арестован в Бургуэне и препровожден в Пьер-ан-Сиз. Какое стечение доказательств! При известии об этом улове заговорщиков охватил ужас; однако Национальное собрание не принимает никаких мер, а Шатлэ не возбудил преследования, чтобы привлечь заключенных к суду. Одна только муниципальная следственная комиссия, вынужденная ознакомиться с делом заговорщика Савардена, опубликовала, наконец, свой доклад; в течение долгого времени он служил предметом всех разговоров. Некие агенты исполнительной власти вызволили этого заговорщика из тюрьмы, и ни прокурор-синдик коммуны, ни прокурор Шатлэ не сделали ни одного шага. И только когда об их преступном молчании было доложено Национальному собранию, они решились, наконец, нарушить его; тем временем Саварден, которому два члена Национального собрания дали возможность улизнуть, был пойман. И в момент, когда публика озабочена только этими адскими заговорами против отечества и когда завеса готова упасть, Шатлэ, достойный пособник конспираторов, суетливо принимается вновь разоблачать симулированный заговор против королевской семьи, искусно имитируя притворное отчаяние и дерзко афишируя притворное торжество. О французы! Долго ли вы будете терпеть, чтобы ваши отъявленные враги третировали вас как глупцов и обманывали как ребят? Разве вы не видите, что в этой столь длительно и искусно-подготавливавшейся речи вашего внимания заслуживает только преступная неосмотрительность, с какой подлый оратор отводит взоры от заговора против отечества, единственно реального и заслуживающего интереса, чтобы фиксировать внимание на мнимом заговоре против королевской семьи, который нисколько вас не интересуется? Не позволяйте вводить вас в заблуждение. Не усматривайте в этой коварной речи ничего, кроме преступно-дерзновенного намерения присвоить государю титул суверена, который принадлежит только нации.

Не усматривайте ничего, кроме безобразного плана лишить вас самых стойких защитников, чтобы завершить по своему усмотрению эту мистерию несправедливости. Не слушайте дьявольского Малуэ, который внес экстренное предложение устранить публику с трибун, чтобы не было неудобных свидетелей их злодейства.

Итак, дорогие мои сограждане, будьте людьми раз в жизни, — отбросьте все глупые предрассудки и составьте себе правильное представление о вещах. Если бы заговор на жизнь королевской семьи и не был делом врагов революции и если бы он не был химерой, стоит ли он того, чтобы отвлечь вас на момент от расследования заговора против отечества, единственного обстоятельства, которое должно вас занимать? Так как государь только слуга нации, то покушение на его жизнь не может быть ничем иным, как частным преступлением, так же как покушение на другого представителя народа, — преступление, гораздо менее важное, чем покушение на представителя Национального собрания; предоставьте же его обычному ходу правосудия. Ваше великое, ваше единственное дело теперь — добиваться наказания заговорщиков против отечества; требуйте же громко, чтобы Гюиньяр был арестован; требуйте, чтобы Саварден, Гувло, Риолес были доставлены в Париж под усиленным конвоем; чтобы они не могли быть еще водимы из одного места в другое иначе, как под эскортом батальонного командира; чтобы их дело слушалось безотлагательно перед лицом неба и земли; чтобы они своей головой искупили свои черные дела. Когда вы с ними разделаетесь, тогда только вы выясните, не смеялись ли над вами разоблачители пресловутого заговора, и вы решите, какое наказание наложить на них.

Это прекрасный сон - бойтесь пробуждения!

Марат указывает на опасность декрета относительно «семейного договора» между Францией и Испанией, принятого Национальным собранием по предложению Мирабо—Рикетти.

Август 1790 г. Обращение к народу

Вот он, наконец, злополучный план, который дьявольский Рикетти замыслил в тиши! Вот он, страшный декрет, который обрушит на нас скоро ужасные бедствия войны, единственное средство, которое осталось у наших свирепых правителей для того, чтобы вновь поработить нас. Где вы были, Барнав, Ламет, д'Эгильон, Робеспьер, Мёну, когда осмелились предложить его? Вы дремали, верно, потому что он прошел без ваших протестов; или дьявольский змей сумел обольстить вас своей лживой речью? Дорогое отечество, на твою защиту осталось только несколько честных душ, которые беззащитны против коварства облеченных властью негодяев. Слишком доверчивые граждане! Еще недавно вы торжествовали свои победы; опьяненные ложным триумфом, вы воскликнули с восторгом: «Мы свободны!», и сто тысяч вероломных голосов повторяли в запущенности: «Вы свободны», для того чтобы создать вокруг вас атмосферу рокового покоя. Они протянули вам руки мира, клялись вам в верности; они связали по рукам ваших защитников, обольщенных видимостью братства, и им удалось наложить на вас оковы на самом алтаре свободы. Вы спите на их груди; еще несколько дней, и ужасное пробуждение последует за этим пагубным покоем, и вы узнаете, содрогаясь, что эта прославленная победа, которую вас убаюкивают, была лишь обманчивым сновидением.

Какая ужасная сцена открывается передо мною!

Предоставленные вашему природному легкомыслию, вы отвратите глаза от внутренних дел на внешние; вы пренебрежете самыми дорогими интересами ради новых безумств; небылицы газетчиков заставляют вас бросить заботу о том, чтобы в стенах ваших царили справедливость, достаток и мир. Для того чтобы ускорить вашу гибель, злодеи, которые правят вами, отыскивают вам врагов повсюду и стремятся втянуть вас в пагубные войны. Не будучи в состоянии устоять против неприятельских сил, ваш флот будет сокрушен и уничтожен, миллиарды будут растрочены в несколько лет, и имущество духовенства, которое должно было послужить освобождению государства, облегчению народа, послужит лишь тому, чтобы восстановить наши оковы, чтобы надеть на нас ярмо рабства и нищеты. Будучи отдалены от своих сограждан, солдаты скоро перестанут думать о своих правах и в конце концов позабудут отечество. Посреди лагерной суеты они не будут знать ничего, кроме голоса своих начальников; тысячи соблазнов будут пущены в ход, чтобы поработить их; возвращенные в родную землю, они будут готовы по первому слову броситься на своих сограждан. Дорогое отечество, тебя скоро перестанут узнавать твои дети; затем они растерзают тебя и наложат на тебя цепи. Что я говорю! Одного знака со стороны деспотизма достаточно будет, чтобы превратить их в палачей, которые будут возбуждать ярость ваших неукротимых врагов. Сами они, погружая свои человекоубийственные руки в вашу кровь, будут терзать ваши трепещущие внутренности и внутренности в бледных грудях ваших жен и детей. Вот плоды ваших лишений, вашего недоедания, ваших трудов, ваших опасностей, ваших ран, ваших битв, ваших побед, или, вернее, БОТ плоды вашего слепого доверия, вашего глубокого успокоения.

Для того чтобы избежать этой страшной участи, вам остается одно средство: связаться тесно с вашими вооруженными братьями из линейных войск, заставить их поклясться честно, что они не пойдут против неприятеля, пока не будет водворена свобода в ваших стенах, пока не будут сокрушены враги отечества; бросить преступные головы ваших министров под топоры мести; и прежде всего вам необходимо незамедлительно собраться, заполнить сенат и шумно требовать отмены пагубного декрета, который мнимые отцы отечества поторопились, конечно, передать на утверждение... Но, увы! Разве Друг народа всегда будет тщетно учить тебя! Обратись к твоим бедствиям, трусливый и глупый народ, и если ничто не сможет вернуть тебя к сознанию долга, пусть текут твои дни в гнете и нищете; кончай их в позоре и рабстве!

Страшное пробуждение

«Друг народа», 29 августа 1790 г.

В связи с восстанием солдат Нансийского гарнизона, боровшихся за свои гражданские права, Марат призывает «разжечь гражданскую войну» в стране.

Обращение к французам

Итак, она наступила, эта страшная катастрофа, которую я вам так давно предсказывал, — неизбежное следствие вашей непредусмотрительности и вашей слепой беспечности; вот эти свирепые враги вашей свободы, вашего покоя, вашего благополучия, которые дошли до того, чтобы силой хитрости, лжи, обмана, вероломства, жестокости поднять одних граждан против других, столкнуть между собой солдат отечества и подстрекнуть его сыновей к тому, чтобы они душили друг друга.

Куда стремитесь, вы, безрассудные? Уймите ваши бессмысленные порывы и бросьте взгляд на пропасть, которую вероломные представители вырыли вам под вашими ногами, — пропасть, в которую они собираются вас ввергнуть! Варвары! Люди, которых вы собираетесь уничтожить, — братья ваши; они невинны, они угнетены. Они делают теперь то, что вы сделали 14 июля; они противодействуют своим угнетателям; неужели вы накажете их за то, что они следуют вашему примеру и отменяют своих тиранов?

Нет, ничто не сравнится со злодейством муниципалитета, начальника и офицеров гарнизона Нанси, разве лишь слепая ярость военного комитета, который сфабриковал ужасные декреты, и легкомыслие Национального собрания, которое их выпустило, основываясь на словах нескольких бесчестных доносчиков, не пожелав выслушать жалоб несчастных угнетенных, не подумав даже проверить факты; все — это акты безумия, которые подвели несчастных под нож убийц. Акты безумия! Ах, скажите лучше — акты негодяйства, достойные смертной казни, потому что их нельзя наказать сумасшедшим домом, ибо протесты этих несчастных направлены законодателю. Несколько преданных ораторов заставили их выслушать, а депутаты Нанси, разве они не разоблачили перед ним постыдных происков, к которым прибегали офицеры, чтобы возмутить солдат; жестокость, которую применял в отношении к ним начальник; несправедливость, которую они терпели; фальшивые доклады, которые делались и комитетам и Собранию, чтобы вырвать у них пагубные декреты; но вместо того, чтобы одуматься, признать свою ошибку, отменить свои постановления и наказать начальников, недостойных командовать, оно варварски предоставляет нижних чинов на волю исполнительной власти и выражает свое одобрение всем насилиям со стороны доверенных прислужников двора.

Праведное небо! все мои чувства возмущаются, и сердце мое сжимается от негодования. Трусливые граждане, неужели вы молча будете смотреть, как закабаляют братьев; неужели вы останетесь неподвижными, когда легионы убийц начнут их душить? Да, солдаты нансийского гарнизона невинны; они угнетены; они сопротивляются тирании; они имеют право на это; их начальники одни виноваты; на них должны обрушиться ваши удары; само Национальное собрание, вследствие неправильности его составления, величайшей испорченности его членов, несправедливых, притеснительных, тиранических декретов, которые у него ежедневно вырываются, не заслуживают вашего доверия.

Слишком доверчивые граждане! Научитесь же, наконец, понимать этих мнимых отцов отечества, перед которыми вы гнете спину, и пусть ваше отношение определяется их недостойным поведением. Вот их комиссии — по выработке конституции, финансовая, по докладам, следственная, военная и дипломатическая, которые prostituteуют себя государю и продают ему права и интересы нации, свободу, честь и даже жизнь граждан. А высокое Собрание (закрывающее человек пятнадцать патриотов и один-два десятка честных людей) — что оно, как не отвратительное собрание грязных людей, бесстыдных и лицемерных прелатов, царедворцев, лживых, расточительных, наглых и раболепных критиканов, невежественных, несправедливых и

надоедливых, низких и бесчестных практиков? Что оно, если не банда врагов революции, клятвопреступников, изменников и заговорщиков? Этим именно жалким врагам свободы по положению и из принципа вы имели глупость рассматривать как представителей нации, смертельными врагами которой они являются. В этих людях вы видите законодателей, и их декреты вы имеете безумие соблюдать.

Ах, поprite ногами те, которые они издали, чтобы разжечь гражданскую войну! Пригласите незамедлительно провинции выбрать новых депутатов, которые были бы достойны их доверия; водворите их в сенате и с позором изгоните тех, кто теперь грязнит его. Но прежде всего стремитесь на помощь к вашим братьям. Откройте глаза солдатам-гражданам, предложите всем швейцарцам поддержать своих соотечественников, разоружите германских наемников, которые собираются удушить ваших сограждан, арестуйте их начальников, и пусть мечом мести будут они закланы на алтаре свободы!

Верное средство разбить цепи деспотизма

Марат ставит в пример французскому народу валлисцев, которые с оружием в руках восстали против правительства, и подчеркивает, что только такой «образ действия может обеспечить победу нации».

«Друг народа», 24 октября 1790 г.

Восстание, происшедшее в Валлисе, в союзной республике Швейцарии, по поводу громадного штрафа, наложенного на крестьянина, который участвовал в драке, было всеобщим. Все предосторожности, принятые правительством для подавления восстания, повели только к расширению его и к обеспечению ему успеха, валлисцы все вооружились; в их руках — арсеналы, пороховые склады и форты, которые они постарались предварительно захватить. Они начали с того, что перебили всех тех, кто противился восстановлению их свободы, а теперь они судебным порядком преследуют всех своих бывших тиранов, которых решили истребить до последнего. Надо воздать славу валлисам во имя свободы, правосудия и человечности, за которые они, наконец, отомстили после десяти веков угнетения, жестокостей и тирании. Их образ действий один может обеспечить победу нации, которая свергла свое иго; ей надлежит воспользоваться ужасом своих мнимых владык, чтобы окончательно поразить их, и ни на одну минуту не останавливаться, пока они все не будут истреблены. Без этого они не замедлят оправиться; не будучи в состоянии уничтожить свободу силой, они уничтожат ее хитростью и рано или поздно кончат тем, что снова наложат на нее цепи.

Ничто так не убедило меня в близорукости, в крайнем невежестве, в глупости, как манера, с какою они дали победе ускользнуть из их рук, после того как судьба, казалось, решила даровать ее им. После взятия Бастилии оставалось лишь двинуться на Версаль, захватить министров и выместить из Национального собрания всех дворян, прелатов, обладателей крупных бенефиции и еще более гнусной породы интендантов, приказных, приверженцев короля и адвокатов, а затем сейчас же освятить хорошими декретами права нации и гражданина, передачу в руки нации арсеналов, пороховых мельниц и складов и ограничение прерогатив, захваченных короной, в ожидании, пока будут избраны новые депутаты для создания конституции, действительно могущей установить царство справедливости и свободы.

Но вместо того чтобы заняться этими великими задачами, парижане глупо занимались тем, что опьянялись своими смешными победами, и вскоре толпа мошенников возглавила их, чтобы обмануть и увлечь, забавляя их как детей. Разве можно сказать, что они не были осведомлены? Разве они не были свидетелями всего высокомерия, всего презрения, всех наглостей, всех уловок и всего коварства, пущенных в ход привилегированными сословиями, чтобы не дать осуществиться великим надеждам нации?

Небо, чуткое к нашим бедствиям, вернуло им 6 октября благоприятный случай, так глупо упущенный, и они должны были бы тем больше почувствовать все его значение. Снисходительность, какую они проявили по отношению к приспешникам своего прежнего тирана, позволила ему собрать снова свои силы, вновь связать нити ужасного заговора и снова устраивать заговоры против нации. Несколько случаев кровопролития исчерпали их ярость; они привезли деспота в свои стены, они не только не приняли никаких мер предосторожности, чтобы обеспечить свою свободу, но и дали своим собственным избранникам наложить на себя цепи. вспомните закон о военном положении. Вот момент, когда была утрачена общественная свобода.

Революцию необходимо продолжить

Марат призывает к организованному революционному недоверию. «Для того, чтобы народ не попал снова в ярмо, он должен быть всегда на страже против своих вождей и всегда уметь судить о них по их делам».

«Друг народа», 8 ноября 1790 г.

Основной принцип, из которого должен исходить всякий защитник отечества и который должен не позволять ему когда-либо отчаиваться в общественном деле, состоит в том, что народ в своей совокупности никогда не продается, как бы развращена ни была нация. В самом деле, кто мог бы купить его или только попытаться сделать это? Ведь только для того, чтобы ограбить его и воспользоваться им как игрушкой, стараются наложить на него цепи. На этот непоколебимый принцип опирался Друг народа с начала революции, и именно этот принцип вечной истины не позволял ему терять мужество при виде непобедимых препятствий, которые, казалось, вставали на пути утверждения царства справедливости и свободы, при виде многочисленных пороков нации, избавившейся от своих цепей, при виде ее нелепого почтения к своим прежним господам, этой страсти к отличиям, которая увлекает ее далеко от счастливого равенства, основы всякого свободного правительства, этого вопиющего невежества, которое не позволяет ей замечать грубейшие западни, расставляемые ей; при виде этой накипи придворных рабов, этих многочисленных легионов королевских приспешников, этих орд сторонников старого режима, этих банд мошенников, заинтересованных в сохранении злоупотреблений, которыми они существуют, этого множества робких граждан, отталкивающих свободу из боязни, что потрясения, каких требует ее торжество, заденут их благополучие. Но так как эта пена, эти орды, эти банды, эти тучи врагов революции никогда не составляют слишком большую часть народа, но, как только он поднимается всей массой, он, как поток, увлекает их с собою, или, вернее, сметает их и рассеивает, как стремительный ветер.

Для того чтобы народ захотел пользоваться своими правами, надо, чтобы он их знал; следовательно, надлежит просветить его. Для того чтобы он не попал в сети, расставляемые ему, надо, чтобы он их видел; следовательно, надлежит образовать его. Отсюда следует, что величайшее несчастье, какое может постигнуть его, — это если он станет слепо полагаться на своих вождей или засыпать в объятиях врагов, которые стараются увлечь его в бездну. Поэтому великая цель, какую должны себе ставить его защитники, состоит в том, чтобы постоянно держать его в возбуждении, будоражить все головы, пока правительство не будет основано на законах действительно справедливых. Поэтому свобода печати является великой пружиной, единственным оплотом свободы гражданской и политической. Просветительной деятельности философии мы обязаны революцией, просветительной деятельности патриотических писателей мы будем обязаны ее торжеством. Пока будет существовать свобода печати, мы можем быть уверены в победе. Желать отнять ее у нас было бы самым преступным из покушений. Если поэтому Национальное собрание забудется до того, что попытается посягнуть на нее, то надо будет, не колеблясь, восстать против него и покарать его за измену. Но как посмеет оно ограничить свободу печати, когда оно ежедневно терпит, как его зараженные члены проповедуют в его собственной среде контрреволюцию, восстание против декларации прав и восстановление рабства?

То, что народ разорвал свои цепи, еще не делает его свободным; деспотизм, правда, поражен, но деспот еще существует, и притом очень редко, чтобы не сказать никогда, в таких случаях бывает так, чтобы он не оставался во главе государства и чтобы его приспешники не сохранили больше преимуществ. Поэтому новое правительство образуется почти исключительно из членов старого. И если даже правительство совершенно преобразуется и народ имеет избранных представителей, государь, мечтающий только о возвращении абсолютной власти, старается скоро подкупить их и слишком часто успевает в этом.

Народ плохо схватывает явления. Он редко видит их такими, каковы они в действительности; еще реже он охватывает их в их совокупности, и почти никогда он не рассчитывает последствия событий. Это результат недостаточности его просвещения. Стоит ему получить какое-либо преимущество, одержать какую-нибудь победу, он начинает переоценивать свои силы, не видит уже препятствий, воспекает свое торжество, убаюкивает себя обманчивыми надеждами. И это не может быть иначе, ибо самонадеянность является детищем самолюбия и невежества. Для того чтобы народ не попал снова в ярмо, он должен быть всегда на страже против своих вождей и всегда уметь судить о них по их делам. Но свобода полностью обеспечена только тогда, когда сформировалось общественное сознание, т.е. когда народ знает свои права и свои обязанности, когда он имеет представление о людях, о страстях, какие двигают ими, когда он имеет надлежащее представление об агентах власти, когда он проникает в их замыслы и замечает ловушки, какие они ему расставляют. К этому должны общественные писатели стараться привести нацию.

Контрреволюционный заговор созрел

Ввиду подготовляемого контрреволюционного заговора Марат рекомендует одно верное средство: «Всеобщее восстание и народные расправы».

«Друг народа», 18 декабря 1790 г.

Слепые и малодушные граждане, вы накануне своей гибели. Ужасные несчастья, которые свалятся на вас, явятся неизбежными последствиями коварства ваших неумолимых врагов, неустранимыми последствиями вашей глупой беспечности, вашей пагубной доверчивости; вы преданы всеми вашими избранниками; вы окружены одними лишь интриганами, заговорщиками. С самого открытия Штатов сторонники министерства, царедворцы, попы, приказные, подкупленные юристы и угодничающие военные национального сената злоумышляют против вас, убаюкивают вас призраком свободы, отказывают в исполнении ваших требований об учреждении верховного суда, составленного из патриотов, который очистил бы королевство от изменников нации. Они уже сковали народ законом о военном положении и солдат отечества — декретом, который вменяет им в обязанность, применяя насилие, вынуждать исполнение тиранических законов, в ожидании того, что они снова и окончательно отдадут в руки короля все пружины управления. Теперь они решительными шагами идут к увенчанию своего преступного дела. Уже они захватили имущество церкви, или, вернее, имущество бедных, чтобы наполнить сундуки государя; уже они вырвали у граждан контрибуцию в четвертую часть их доходов, чтобы лишить их всякого средства защиты. Уже они освободили от всех налогов капиталы рантье, чтобы обеспечить себе их поддержку. Уже они установили пенсию при отставке для солдат и унтер-офицеров, чтобы обеспечить себе поддержку армии. И в то же время контрреволюционный парижский генерал заполнил бывшими дворянами, приказными, придворными, мошенниками, банкротами, негодьями, шпионами все штабы и все места высших офицеров; в то же время он употребил все силы для того, чтобы заполнить легионы отечества приспешниками старого режима с целью поработить при помощи тщеславия солдат-граждан. Но что я говорю! Уже прелаты и обладатели бенефиции открыто возмутились против конституции, и король встал во главе их, отказавшись утвердить декрет о гражданском устройстве духовенства. Уже все германские государи,

поднявшиеся против свободы французов, вступили в заговор. Уже брат Австриячки собирает многочисленные армии у наших границ; короли испанский, неаполитанский, савойский уже подражают этому примеру. Уже беглецы и недовольные реформой злоупотреблений, продажные приспешники, под началом двух Капетов, укрывшихся в Турине, выступили в поход против одной из наших пограничных крепостей и ждут только подходящего момента, чтобы начать кампанию.

Это еще не все. Снова задумано бегство королевского семейства. И опять монарх должен отправиться в Мец под защиту контрреволюционного Буйэ, чтобы встать во главе врагов свободы и попытаться совершить контрреволюцию. Все главные сборщики налогов должны отправиться туда, чтобы переложить содержимое своих касс в сундуки короля, — многие из них уже в пути. Неустанно работают над приведением в обороноспособное состояние всех крепостей Лотарингии, Фландрии и Эльзаса, но не против австрийцев, а против солдат отечества, так что деспот и его приспешники будут иметь тысячу фортов, чтобы укрепиться в них против нации и готовить ее гибель.

Тревога стала всеобщей; с одного конца королевства до другого все добрые патриоты видят, что их погибель решена. Граждане, что сделаете вы для своей защиты? Тысячи различных проектов обсуждались один за другим; но вы напрасно присоединили бы миллион национальных гвардейцев к регулярной армии, если бы имели для содержания этих многочисленных легионов те деньги, которые у вас похитили: будьте уверены, эта громадная армия была бы предана и подведена под огонь неприятеля ее собственными командирами, невзирая на их вечные клятвы. Какое доверие можете вы питать к низким царедворцам, к презренным приспешникам деспотизма, воспитанным для вероломства, делающим профессию из измены? Они продадут вас, принося вам клятву верности на алтаре отечества. Вспомните их гражданскую присягу, столько раз возобновлявшуюся и нарушенную.

Но зачем собирать многочисленные армии на границах, зачем взимать налоги для их содержания, когда вы можете в одно мгновение задушить все заговоры против отечества и помешать тому, чтобы они когда-либо возродились? Нет, не на границах, а в самой столице надо нанести удары. Перестаньте терять время на придумывание средств защиты — у вас остается одно только средство, то самое, которое я столько раз вам рекомендовал: всеобщее восстание и народные расправы.

Начните же с того, что обеспечьте за собою короля, наследника и королевское семейство; поставьте их под сильную охрану, и пусть головы караула отвечают за все события. Срубите затем без колебания голову генерала, головы контрреволюционных министров и бывших министров, мэра и членов муниципалитета; расправьтесь со всеми парижскими штабами, со всеми черными сутанами и министерскими приверженцами в Национальном собрании, со всеми известными приспешниками деспотизма. Повторяю, у вас остается одно только это средство спасти отечество. Шесть месяцев тому назад пятьсот-шестьсот голов было бы достаточно для того, чтобы отвлечь вас от разверзшейся пропасти. Теперь, когда вы глупо предоставили своим непримиримым врагам составлять заговоры и приводить их в исполнение, понадобится, может быть, срубить их от пяти до шести тысяч. Но если даже пришлось бы срубить двадцать тысяч голов, нельзя колебаться ни на одну минуту. Если вы не предупредите их, они варварски уничтожат вас, чтобы обеспечить свое господство. Вспомните об убийствах в Нанси. Предоставьте же вероломным усыпителям кричать о варварстве. Нет, нет, не варвары советуют вам умертвить непримиримых врагов, собирающихся перебить вас, чтобы удовлетворять свои преступные страсти; это предатели зовут вас в пагубную беспечность, чтобы выдать вас безоружными приспешниками ваших тиранов.

Отечество на краю гибели

Марат предупреждает о подготовке короля к бегству и снова напоминает, что «свобода может быть завоевана только с оружием в руках».

«Друг народа», 23 февраля 1791 г.

Едва только двор, министры и придворные пришли в себя от ужаса, в какой их повергли взятие Бастилии и кровавая расправа с несколькими королевскими вымогателями, как они стали думать лишь о том, как бы снова схватить бразды правления, выпавшие из их рук. С той минуты пятьсот необузданных заговорщиков принялись устраивать всякого рода махинации, чтобы выковать народу цепи еще более тяжелые, чем те, которые он разбил. Однако им пришлось теперь оставить надменный тон деспота и его лакеев, чтобы говорить соблазняющим языком благотворительности и правосудия; то были струсившие волки, накрывшиеся овечьей шкурой.

С некоторого времени лицемерный управитель финансами работал над тем, чтобы навлечь на королевство бич голода и нужды, скупая хлеб и звонкую монету; в то время как он старался уменьшить население посредством голода и нужды, вероломный придворный, которого раздутая репутация поставила во главе буржуазной гвардии, увлек за собою граждан, установив форму и разделив их между собою посредством различных отличий, способных внушить им корпоративный дух. Со своей стороны кабинет министров отнял у народа его защитников в сенате, подкупив одних за другими его представителей; вскоре члены различных комитетов стали заниматься лишь изготовлением пагубных декретов, посредством которых с помощью ложного толкования исполнительной власти они возвращали в руки государства все средства власти, отнимая у народа средство к защите. Наконец, черная банда заговорщиков разослала по провинциям эмиссаров, чтобы завербовать там много заговорщиков, подкупив одновременно с этим массу продажных перьев, чтобы вводить в заблуждение патриотически настроенных граждан посредством ложных слухов, сбивать их с толку насчет намерений их врагов и усыплять их на краю пропасти, проповедуя им подчинение законам, бессильным защищать их, и обращение к судам, которые будут покровительствовать их угнетателям.

Что противопоставили вы, французы, для своей защиты всем этим темным уловкам, пущенным в ход против вас? Несколько безвестных жертв, растерзанных чернью. Их, без сомнения, было бы достаточно, чтобы установить вашу свободу, если бы вы не допустили, чтобы из-за боязни вашего оружия враги наложили оковы на несчастных, рисковавших своей жизнью ради упрочения вашего счастья. Сказать ли! вы в своей глупости дошли до того, что приветствовали даже закон о военном положении, пагубный закон, под покровом которого непримиримые враги свободы спокойно сговаривались о ее гибели. Но что вы поставили на место народных расправ? Пустой лепет, пустые речи, пустые предложения. Париж раньше был разделен на шестьдесят дистриктов; в настоящее время он разделен на сотню различных обществ, где ежедневно составляют новые резолюции, из которых ни одна не проводится в жизнь. С тех пор как существуют эти общества, в них принято сто тысяч резолюций и две тысячи постановлений. Покажите мне хотя бы одно единственное, имевшее малейший результат. О болтливая и тщеславная нация, твое глупое тщеславие погубило тебя и всегда будет губить; что значит для твоих членов, мнимых патриотов, благо отечества, если они могут выставить себя в выгодном свете, если могут ораторствовать и срывать рукоплескания! Почему вместо стольких пышных речей, стольких самонадеянных советов, долженствующих излечить наши язвы и предотвратить угрожающие нам бедствия, почему вы не прибегли к своим штыкам? Несколько смертельных ударов, нанесенных главарям заговорщиков, принесли бы вам больше пользы, чем все ваши цветистые речи и все ваши ребяческие резолюции, которые живут всего один день и которые назавтра забываете вы сами. Или, лучше, почему вы не остались стоять скрестив руки и не предоставили действовать толпе? При помощи нескольких кусков веревки она избавила бы вас в течение месяца от всех ваших врагов, и вы ныне наслаждались бы свободой посреди изобилия и мира.

Слепой народ, не имеющий вождей и руководителей, народ не рассуждающий, который ведут, куда хотят, ловкие мошенники! Глупый народ, неспособный учиться в школе бедствий и для которого всегда даром проходят уроки опыта! Народ ребячливый, который любому наглому фокуснику всегда удается посредством глупой сказки отвлечь от мыслей о своем благе даже среди общественных бедствий!.. Достаточно, значит, позабавить тебя, чтобы снова посадить тебя на цепь.

Перед лицом повторных покушений на твоих лучших граждан, какие позволяют себе твои враги, твои секции и твои братские общества со своими постановлениями, напоминают кучку школьников, которых педагог для забавы науськивает ловить мух.

Если бы патриоты столицы обладали здравым смыслом, они поставили бы себе только одну цель, но цель главную, и объединились бы для преследования ее, пока правосудие не совершится. Если бы они действовали таким образом против головорезов генерала в деле Ротонды или против убийц в бойне Ла-Шапель, громкими криками и, в случае необходимости, с оружием в руках требуя правосудия, то разбойники, купленные контрреволюционными придворными, испустили бы дух по дороге. Поверьте, тогда вам уже не пришлось бы дважды требовать правосудия; изменники отечества, преобладающие в сенате или стоящие у кормила правления, стали бы трепетать от ужаса при мысли о заговоре против гас, и, уверенные в собственной гибели, если они будут продолжать свои махинации, они отступили бы и дали бы вам удовлетворение по всем пунктам. Бедные французы! Вы — взрослые дети, которые никогда не смогут ходить без помочей; глупое тщеславие ослепило вас сперва насчет ожидающих вас перспектив — вы взяли Бастилию, кто посмеет напасть на вас! Увы, вас снова заковали в цепи, как глупцов, и с вами поступят как с мятежниками. Уже восемнадцать месяцев, как я не перестаю кричать вам, что свобода завоевывается только с оружием в руках и что при вашем образе действий вам невозможно избежать гражданской войны. Глухие к моему голосу, вы заснули в объятиях ваших врагов. И теперь, когда они собираются прикончить вас, вы беспокоитесь по поводу угрожающих вам опасностей и ничего не делаете, чтобы уберечься от них. Вы дали исчезнуть теткам короля, а может быть, и наследнику вместе с ними. Брат монарха готовится в свою очередь бежать... Что же, вы дадите и ему ускользнуть? Наконец, ускользнут сам монарх и его жена... Ах, я содрогаюсь примысли о несчастьях, какие нас ждут: едва только монарх окажется на границе, как вражеские когорты двинутся к нашим очагам, чтобы проливать ручьи крови, если уже до того не устроят резню бандиты, которых генерал содержит в вашем городе. Никто не будет пощажен — мужчины, женщины, дети, даже ваши представители будут первыми жертвами. Тогда, тогда вы вспомните спасительные советы Друга народа и станете рвать на себе волосы, в отчаянии от того, что не последовали им.

Бедные ротозеи! Вас грабят, вас обкрадывают, вас угнетают и продают ваши избранники, общественные должностные лица. Вас обкрадывают, продают и предают ваши представители; вас обкрадывают и предают ваш государь и его министры.

Людовик XVI предает нас после стольких священных обещаний, после стольких торжественных клятв, после честного слова дворянина, потомка Гуго Капета. Если бы он не предавал вас, стал ли бы он терпеть вечные заговоры своих министров? Терпел ли бы он их сейчас? Смотрел ли бы он спокойно на это сосредоточение на ваших границах австрийских войск? Разве он потерпел бы, чтобы его кузен Капет Кондэ и его брат Капет Артуа разъезжали по Европе как заговорщики, поднимая против нас иностранные державы, вербуя армии бандитов для резни? И если бы Национальное собрание в свою очередь не предавало вас, то разве оно посягало бы столь различными способами на ваши права и на вашу свободу? Разве оно дало бы бежать стольким изменникам? Разве оно вырвало бы у меча правосудия стольких заговорщиков? Разве оно потерпело бы стольких беглецов? Разве оно не объявило бы их изгнанными, если они не вернутся в назначенный срок? Разве оно не объявило бы принца Артуа утратившим все права на корону? Не отняло ли бы оно у него благодеяния нации? Оно издаст, говорите вы, декрет

против эмигрантов, который оно, по предложению Барнава, поручило выработать своему конституционному комитету. Все это одно фокусничество. Барнав и Петион, по-видимому, добились этого для того, чтобы прекратить слухи, к несчастью, вполне обоснованные, как бы оскорбительны они ни были для королевского семейства, и немного обелить себя в общественном мнении после гнусных декретов о жандармерии, о местопребывании верховного национального суда и о субсидии в семьдесят восемь миллионов, которые они пропустили, не произнеся ни слова. Фре-то, Мартино и, что еще хуже, д'Андре из сторонников министерства поддержали предложение. Что еще нужно для доказательства того, что это хорошо разыгранный фарс? Может быть, даже он согласован с Малуэ и Фуко, чтобы обезопасить себя... В самом деле, может быть, брат короля, который укладывал свой багаж в самый вечер предложения, уже не находится в Париже. Может быть, и наследника уже здесь нет. Может быть, и сама Австриячка уже не находится здесь, хотя, как бы то ни было, не этот декрет помешает им уехать. Для того чтобы дать им достаточно времени, продажный комитет сперва представит незначительный проект, который понадобится переделать раз десять, чтобы он принял приличный вид... Если только господам депутатам не надоеет игра, как это случилось, когда я заявил, что беглые ханжи имели паспорт от Национального собрания, что представляет совершенную истину.

Революция продолжается

После расстрела безоружных демонстрантов на Марсовом поле 17 июля 1791 г. весь тираж газеты «Друг народа» был конфискован. Данный памфлет был захвачен 21 июля в типографии и увидел свет только 14 августа 1791 г.

«Друг народа», 14 августа 1791 г.

Если вы могли, дорогие братья по оружию, избежать жестокой мести тюильрийского тирана, инквизиторских обысков и варварской ярости его проституировавшихся лакеев и приспешников, контрреволюционных сенаторов, Мотье, адского убийцы патриотов Нанси, Ла-Шапели и Марсового поля, Байи, ужасного исполнителя кровавых приказов, конных альгвазилов, головорезов застав, буржуазных стрелков, подлых палачей миролюбивых сограждан, бедных стариков, беременных женщин, грудных младенцев, и если небо удостоивает вмешиваться в земные дела, то пусть эти чудовища сделаются скоро предметом его мстительного гнева. Пусть народ, поднявшийся сразу во всех концах королевства, принесет их в жертву своей справедливой ярости в оплату за их черные преступления; пусть он, наконец, оставит тем, у кого будет соблазн подражать им, этот спасительный пример ужаса и страха. Но увы! Какая будет польза от того, что небо в своей благости свершит ради народа новое чудо? Все чудеса, совершенные им до сего дня для его спасения, оказались тщетными. Можно подумать, что, желая наказать его за его безумное самомнение, за его глупое тщеславие, его слепую доверчивость, пагубную беспечность, за его крайнюю испорченность, жестокая судьба тешится тем, что держит на его глазах повязку иллюзии и заблуждения. Вероломные заговорщики, стремящиеся увлечь его в бездну, могут сколько угодно посягать на его права, злоумышлять против его безопасности, устраивать заговоры с неприятельскими державами, тиранизировать его защитников, — он тем не менее продолжает полагаться на их слово; они могут сколько угодно приводить в исполнение свои кровавые проекты и поступать, как ужасные тираны, — лицемерной маски, которую они прикрываются, достаточно, чтобы заморозить его взор и заставить смотреть на них, как на благодетелей.

После возвращения монарха, изменника и клятвопреступника их план угнетения совершенно изменился. Говорят, что он снова убежит, и генерал, душа всех махинаций кабинета министров, убежит вместе с ним... Нет, нет, они не убегут, — отвечает Друг народа, — они уже не смогут сделать этого, не открывая глаза нации, и, сделавшись завтра предметом общественных проклятий, монарх, бежав, подверг бы опасности жизнь своего возлюбленного

визиря, который головою отвечает за своего господина, а сам визирь утратил бы свой авторитет у своих приспешников, которых возмутило бы его низкое вероломство и которые никогда не простили бы ему, что он оставил их в ловушке. В чем заключается их новый заговор? Перебить лучших патриотов, восстановить деспота вооруженной рукой и декретом установить контрреволюцию. Это ужасное покушение уже недалеко от выполнения, — они начали его осуществлять. Кто сомневается в том, что убийства на Марсовом поле были заранее решены в австрийском комитете, чтобы помешать петиции друзей свободы против обеления и восстановления слабоумного тирана, чтобы распутить братские общества, обвинив их в опасных проектах, чтобы возбудить судебные дела против защитников отечества, как против подкупленных мятежников, удержать страхом тех, у кого могло быть искушение последовать их примеру, и поразить ужасом всех друзей свободы? Стараясь замаскировать этот адский проект, чтобы ввести в заблуждение народ, они подкупают сотню продажных перьев; но как бы ни наполняли Болье, Этьены, Дюзосу, Гранмэзоны, Дюфуры, Перлэ и другие хитрые усыпители, их излюбленные шпионы, свои листки сотнями воображаемых заговоров, сотнями выдуманных басен, как бы ни пускали они сами в ход суды, департамент, муниципалитеты, секции для обвинения патриотов, мнимых виновников беспорядков на Марсовом поле, — нет в государстве других заговорщиков, кроме монархистов, министров, контрреволюционных сенаторов, генерала, штаба, муниципалитетов, судей и других приспешников двора. Кто сомневается в том, что Мотье велел арестовать Варрьера в отместку за то, что он встал на защиту Сантерра против Демотта, и что памфлетисты, состоящие на жалованье у генерала-заговорщика, облыжно обвинили задержанного в том, что он является автором «Друга народа», чтобы прикрыть гнусность этой низкой мести? Кто сомневается в том, что Байи потащил в тюрьму издателя «Друга народа», чтобы обнаружить убежище автора и избавиться от него железом или ядом? Кто не знает, что Байи приказал нарушить неприкосновенность жилища типографов «Оратора», Камилла, чтобы привести к молчанию писателей-патриотов и уничтожить свободу печати? Кто не знает, что для маскировки этого страшного преступления Байи притворился, будто преследует Руайю и Сюло, гнусных сотрудников «Друга короля» и «Парижской газеты», про которых говорят, что они арестованы, но которые скандально развлекаются у себя дома на золото, расточаемое им за проповедь рабства? Кто не знает, что для расправы с патриотизмом контрреволюционные сенаторы хотели восстановить инквизиционный превотальный суд и поручили суду Шестого округа беспощадно преследовать наиболее ревностных патриотов как виновников событий 17-го числа этого месяца и покарать их за убийства, совершенные самими Байи и Мотье? Кто не знает, что в стремлении отомстить за справедливые разоблачения, сделанные против него в Якобинском клубе Дантоном, вероломный Мотье провел постановление об аресте этого мужественного защитника свободы? Кто не знает, что, желая приукрасить эту жестокость, они придумали тысячу смешных басен об эмиссарах, оплаченных иностранными державами, чтобы внести смуты в государство, что они сделали вид, будто арестовали еврея Ефраима как эмиссара прусского короля, что они оклеветали баронессу д'Эльдерс, обвинив ее в том, что она является эмиссаром штатгальтера? Кто не знает, что для оправдания гнусной инквизиции, которую они хотят применить ко всем гражданам, обыскивая по ночам их дома от погреба до чердака в надежде найти там писателей-патриотов или вынуждая самих домовладельцев доносить на них, они придумали нелепую басню о трех тысячах переодетых офицеров и множестве иностранных разбойников, укрывшихся в домах эмигрантов? Как будто в Париже имеются другие разбойники, кроме тех, которым они сами платят, чтобы избивать народ; как будто они намеревались обыскивать другие дома, а не дома известных патриотов! Народ, пустой, малодушный и легкомысленный, вот наступили уже те дни траура и слез, которые предсказал тебе Друг народа. Поощряемые твоей слепотой и малодушием, твои вероломные доверенные заставили тебя потерять одни за другим все плоды твоей победы, они постепенно отняли у тебя все права; ныне они обращаются с тобою как с рабом, и, после того как они вдоволь мучили тебя, топтали и угнетали, они

теперь требуют установления против тебя гнусной инквизиции, чтобы лишить тебя твоих защитников и выдать их мечу тирании, — и это еще только начало бедствий, ожидающих тебя: простой манифест вернет тебя под иго деспотизма. Если ты откажешься склонить голову, то наготове для расправы с тобою тысяча грабителей, купленных золотом, которое он у тебя похитил, и соблазняемых ожидаемой поживой. Мнимые солдаты отечества, благодаря ухищрениям генерала превратившиеся в королевских приспешников, примут участие в пролитии твоей крови. Все подготавливается для осуществления этой ужасной сцены.

Враги собираются со всех сторон на наших границах; во главе их — мятежные Капеты, окруженные беглецами-заговорщиками. Этим ордам убийц министры, сенаторы и контрреволюционный генерал противопоставляют лишь полки иностранных наемников и скопище бедняков, не имеющих ни оседлости, ни собственности, необразованных, большей частью не умеющих владеть оружием. Мудрые декреты, передававшие на рассмотрение гражданских судов столкновения между солдатами и офицерами, были отменены, пагубные декреты приостанавливают действие всех законов, чтобы установить во всех крепостях военное положение: солдаты и граждане будут там подчинены деспотизму командующих генералов. Одновременно с беспощадным преследованием патриотов, уцелевших от бойни на Марсовом поле, публикуют амнистию офицеров, прогнанных за их измену; для расправы с солдатами-патриотами страшный декрет призывает их обратно в свои части, и из опасения, что возмущение снова поднимет армию против тирании ее командиров, подлый декрет делает из всех унтер-офицеров доносчиков на солдат, друзей свободы, а военным комиссарам, ставленникам монарха, поручает сурово преследовать их и безжалостно предавать военному суду, целиком состоящему из врагов свободы, рабов деспота, стремящихся погубить их.

Стоит только солдату, отданному под власть офицеров, бояться выказывать себя гражданином, и он перестанет интересоваться спасением отечества; тогда генералы, сообщники деспота, откроют границы врагу. По мере того, как все эти гусары и пандуры будут приближаться к столице, недостойный монарх снова начнет говорить тоном деспота, все его подданные передадут ему верховную власть, а гнусное Собрание, prostituiровавшееся по их воле, провозгласит его абсолютным государем, тогда как адский Мотье, проповедуя своим парижским приспешникам подчинение закону и напоминая им их присягу, поддержит вооруженной рукой этот пагубный декрет. Скоро все друзья свободы, имеющиеся в столице, будут перерезаны, и за малейшее сопротивление вы подвергнетесь той же участи, а дома ваши будут преданы разграблению. Эти ужасные сцены повторяются во всех городах, местечках и деревнях королевства. Едва успев захватить бразды правления, деспот отягчит ваши цепи и лишит вас всякой возможности когда-либо порвать их. Неразумные граждане, такова участь, ожидающая вас за то, что вы не захотели воспользоваться теми средствами обеспечить свою свободу, которые давала вам судьба. Воспевайте свои победы, хвастайте тем, что разрушили Бастилию, танцуйте на ее развалинах, бегите на Марсово поле, чтобы оскорблять своими скабрезными песенками аристократов, ваших неумолимых врагов. Придет и их час, скоро они возьмут реванш ужасным образом; простершись у их ног, вы тщетно будете просить пощады: в вашей крови они омоют ваши действия.

Тогда-то, исполненные горя, вы вспомните, вздыхая, печальные предсказания Друга народа; вы покроетесь краской стыда за то, что относились к нему как к каннибалу, когда он побуждал вас спасти нацию жертвою пятисот преступных голов; вы пожалеете о том, что не хотели слушать его спасительных советов, и будете с горечью оплакивать свое пагубное ослепление. Но когда показное милосердие дарует вам жизнь, рассерженный деспот протянет над вами свой железный скипетр и навсегда закует вас в оковы. Что же останется вам из стольких средств обеспечить вашу свободу, которые предоставило вам небо, сочувствующее вашим бедствиям? Вам останется только смотреть, как потрясает государство ваши вероломные доверенные, терпеть, что они расхищают достояние бедных и отдают его государю, а также наживаются сами за счет общественной казны;

помогать им опрокинуть все преграды, чтобы установить законом деспотизм; видеть, как все национальные имущества употребляются на оплату шпионов и разбойников или на утечку за границу; видеть неизбежность банкротства, а самим оказаться без гроша, после того как вы так поистратились, истощены утомлением и бодрствованием, чтобы сделаться в конце концов добычей тирана, игрушкой нищеты, позорищем для наций.

Только два события могут еще избавить вас от рабства: бунт всей армии из-за тирании командиров и восстание всей нации, возмущенной при виде того, что сенаторы хотят увековечить свою власть... Но изменническое Собрание предусмотрело эту возможность: оно назначило из своей среды комиссаров, которые должны отправиться к границам, чтобы чинить среди солдат расправу во имя закона и предложить им обманчивое посредничество, а затем, разве оно не раздавило патриотическую партию, чтобы дать лишний шанс врагам революции, которые выберут во второе законодательное собрание, если оно когда-либо соберется, только приспешников двора? И, конечно, эти приспешники пойдут по стопам сенаторов-заговорщиков.

Не законодательное собрание, а революционная власть

Марат выступает против увлечений законодательными собраниями: «не Конвент, а только победоносная революция решает вопрос».

«Друг народа», 30 августа 1791 г.

Я говорил уже сто раз и говорю это снова: пороки французской конституции таковы, что невозможно, чтобы правительственная машина вообще работала иначе, чем для уничтожения и порабощения друзей свободы. Но так как сенаторы поставили государя в печальную необходимость защищать своих пособников и неустанно развращать народных уполномоченных, чтобы тиранизировать их во имя законов, то государство будет постоянно переживать волнения анархии и ужасы тирании, пока этот деспот не захватит снова вооруженной рукой абсолютную власть, не уничтожит законодательное собрание и не лишит нацию возможности проявлять себя.

В стремлении исправить недостатки конституции и восстановить свободу нация напрасно обращает свои взоры к новому законодательному собранию, которое будет не менее продажно, чем собрание нынешнее, если вообще оно соберется.

Напрасно также некоторые легкомысленные мечтатели предложили национальные конвенты. Этот метод, придуманный в наши дни в Новом свете, превосходит для исправления незначительных изъянов хорошей конституции, для усовершенствования ее, для того, чтобы предотвратить ее вырождение и не дать ей увлечь государство к гибели; он смешон, когда конституция совершенно неудачна, когда ее основные недостатки представляют преднамеренный результат работы людей, которым было поручено ее составить, и когда нравы нации совершенно развращены, так что ничто так не редко, как общественная честность, а безупречный человек является феноменом.

Вы предполагаете, что новое законодательное собрание или национальный конвент восстановит свободу, реформировав законы. Но где возьмете вы, чтобы составить этот сенат, людей просвещенных, честных и неподкупных? Безумно ставить реформу правительства в зависимость от добродетелей людей невежественных и порочных, низких эгоистов, думающих единственно о своих интересах или о своих удовольствиях.

При современном положении вещей мудрость требовала, чтобы конституция ставилась в зависимость лишь от законов необходимости. И действительно, я указал средство создать совершенную конституцию, сохранив наших мошенников-сенаторов, и затем сделать так, чтобы машина чудесно работала, хотя бы на должности пришлось назначить только мошенников, лишь бы только народ поставил над собою просвещенного и неподкупного главу, распоряжения которого он, не колеблясь, исполнял бы. Вместо того чтобы проводить свое время в болтовне в клубах, в общественных местах или кофейнях, вместо того чтобы терять время на внесение предложений в клубах и обществах, надо было бороться, ибо

свобода приобретает только в борьбе, или, вернее, надо было действовать, чтобы избавиться от врагов революции, которых устрасило взятие Бастилии. И так как народ совершил революцию, так как он один заинтересован в ее поддержании и так как он неспособен вести никакого дела, то он должен был бы почувствовать необходимость избрать себе вождя, которому он вручил бы лишь временную власть, но власть неограниченную, чтобы прогнать из сената и с должностей врагов равенства и свободы, держать их притаившимися от страха и истреблять немедленно, как только они станут пытаться поднять голову. Только при возвращении к этому проекту свобода может утвердиться у нас, если она не погибла уже навсегда. Мы видели, в какую бездну ввергла нас нелепая система мнимых друзей мира, подкупленных усыпителей и контрреволюционных сенаторов.

Последнее прощание Друга народа с отечеством

Перед своей вторичной эмиграцией в Лондон Марат подводит в «Друге народа» итог пропаганды трех лет. 15 декабря 1791 г. Марат прекратил издание газеты, возобновив ее только 12 апреля 1792 г.

«Друг народа», 21 сентября 1791 г.

Мы завоевали свободу посредством самой удивительной из революций, но мы потеряли ее благодаря нашей глупости, нашему малодушию, и теперь мы от нее дальше, чем были до взятия Бастилии.

Утверждают, что мы обладаем законами, устанавливающими наши права. Я сто раз доказал, что законы эти обманчивы; но даже если бы они сами по себе не служили угнетению, люди, на которых возложено исполнение их, являются неумолимыми врагами отечества; они заставляют их молчать или говорить, как им нравится; они поочередно истолковывают их в пользу врагов и против друзей свободы, и защитники прав народа всегда приносятся в жертву мечам правосудия.

Те, кто относит революцию за счет нашей храбрости, приписывают утрату свободы недостатку у нас в настоящее время энергии, они жалуются на то, что она все время ослабевала, и доказывают, что ныне у нас ее осталось едва ли столько, сколько было три года тому назад. Ведь только кучка бедняков вызвала падение стен Бастилии, и если их пустить в дело, они проявят себя так же, как в тот день,— они охотно ринутся в бой со своими тиранами. Но тогда они могли свободно действовать, а теперь они связаны по рукам и ногам.

Когда прослеживаешь внимательным взором цепь событий, подготовивших и вызвавших кризис 14 июля, сознаешь, что ничего не было легче революции: она порождена исключительно недовольством народа, озлобленного притеснениями правительства и отпадением солдат, возмущенных тиранией! своих командиров. Но когда начинаешь принимать в соображение характер французов, настроение различных классов народа, противоположные интересы граждан различных положений, средства, имеющиеся у двора, и лигу, столь же естественную, как и грозную, врагов равенства, то отлично видишь, что революция могла быть лишь временным кризисом и что свобода не могла удержаться в силу одних только тех причин, которые привели к ней.

Ошибочно мнение, что восстание граждан 14 июля было всеобщим восстанием против деспотизма, потому что тогда это была только простая предосторожность со стороны граждан, которым было что терять, против неимущих, опрокинувших преграды.

Эта предосторожность, продиктованная в столице страхом, словно по пороховому шнуру распространилась по всему королевству в силу примера. И только когда мелкие честолюбцы, руководившие плебейской частью Генеральных штатов, воспользовались обстоятельствами, чтобы предать народ, начало казаться, что это проявление силы нации направлено против деспотизма.

Во время этого всеобщего восстания казалось, что деспот, окруженный своей семьей, своими министрами и немногими придворными, покинут всей нацией; тем не менее он сохранил бесчисленные легионы своих приверженцев и приспешников, исключая регулярные войска, которые всем сердцем

отдались отечеству. Вооружившись по видимости против своего господина, все эти люди сделали это в действительности только с целью защиты его, с целью поддержать его власть, сохранить свои привилегии и чины. В ту пору можно было видеть, как высокомерные фавориты двора под маской патриотизма твердят только о суверенитете народа, о правах человека, о равенстве граждан, смиренно выпрашивают, одетые в форму солдат отечества, места командиров или ловко подкупают их под прикрытием благотворительности. Те из них, кто не смог захватить командование национальными вооруженными силами, постарались приобрести влияние в народных собраниях, завладеть местами на общественной службе. Мы видели впервые почтенных судей с большими усами во главе батальона, государственных советников в париках с косичками, скромно склоняющихся над столами в управлении дистрикта рядом с их портными или нотариусами, гордых герцогов в штатском платье, сидящих в комитете полиции вместе со своими прокурорами или судебными приставами, а мирных прелатов в роли хранителей арсенала и раз- датчиков орудий смерти сынам Марса.

Вокруг этих честолюбивых интриганов, презренных креатур двора, скоро сплотились его приверженцы и приспешники — дворянство, духовенство, армейское офицерство, судейское сословие, представители судейской знати и юристы, финансисты и биржевые игроки — пиявки государства, торговцы словом, крючкотворцы, вся дворцовая сволочь, — одним словом, все те, кто основывает свое величие, свое благосостояние, свои надежды на злоупотреблениях правительства, кто существует за счет его пороков, его преступлений, его расточительности и кто старался увековечить эти безобразия, чтобы извлекать выгоду из общественного бедствия. Понемногу вокруг них сгруппировались разные дельцы, ростовщики, ремесленники, изготавливающие предметы роскоши, писатели, ученые, артисты, которые наживаются в свою очередь за счет счастливых сегодняшнего дня или распутных девиц. После этого пришли купцы, капиталисты, состоятельные граждане, для которых свобода является лишь привилегией беспрепятственно приобретать, надежно владеть и наслаждаться миром. Вслед за тем появились трусы, которые меньше опасаются рабства, чем политических бурь, отцы семейства, опасаящиеся и намека на какую-нибудь перемену, которая может повести к потере места или общественного положения.

Составившись таким образом, партия деспота посредством пагубных отличий внесла разделение в среду тех, кто держал в руках оружие, лживыми обещаниями соблазнила глупцов, все те, кто хотел продаться, были куплены. И в результате всего этого партия друзей свободы оказалась состоящей уже только из нуждающихся классов, из простонародья, необразованного, не имеющего ни средств, ни вождей, защищаемого лишь немногими добродетельными, но не обладающими состоянием людьми и несколькими писателями-патриотами, лишенными власти.

Как только законодатели, которых подкупил двор, увидели, что их поддерживает сила, они стали думать только о том, как бы подкопаться под здание свободы, которое они во время бурного кризиса притворно возводили, — и вскоре вся нация была снова закована в цепи руками именно тех, кому она поручила разорвать их и кому она неблагоразумно предоставила защиту своих самых жизненных интересов.

Противоположность интересов, разделяющих различные классы граждан, естественный союз врагов свободы, ресурсы двора и невежество народа тревожили меня с первых дней революции гораздо больше, чем глубина их хитрости и громадность их средств; они заставляли меня предчувствовать, что революция явится лишь кратковременным кризисом, и отчаиваться в общественном спасении.

Несмотря на соединение стольких препятствий, отечество могло бы тем не менее восторжествовать, и свобода могла бы наконец прочно утвердиться, если бы неимущие классы, т.е. масса народа, могли бы почувствовать необходимость избрать себе просвещенного и неподкупного вождя, чтобы срубить преступные головы и помешать изменникам бежать, — единственное средство, какое у нас оставалось для того, чтобы уберечься от тирании, и какое я тщетно предлагал столько раз, когда было еще не поздно прибегнуть к

нему. Поскольку мне казалось, что гибель отечества неизбежна, я думал только об отсрочке ее, в надежде, что какое-нибудь непредвиденное событие откроет, может быть, наконец глаза народу и остановит его на краю пропасти, в которую силятся увлечь его непримиримые враги. Все, что человек здравомыслящий и мужественный был в состоянии сделать для спасения своего отечества, я сделал, чтобы защитить его. Один и без поддержки, я целых два года боролся против комиссаров секций, против муниципальных администраторов, начальников полиции, судов, государственного трибунала, правительства государя, против самого Национального собрания, и часто не без успеха. Я разоблачил черные замыслы двора, вскрыл его западни, его хитрости, его заговоры. Я привел в замешательство заговорщиков, подготовил падение суда Шатлэ и ускорил падение обожаемого министра. Я сорвал маску с парижского генерала, поднял армию и флот против законодателя, изменившего своему долгу, изобличал его пособничество, его позорные проекты, его предательское поведение, его преступления; не один раз я принуждал его продавшиеся комитеты брать обратно, приостанавливать или изменять их проекты декретов; я боролся против угнетателей всех наименований, я вырвал из когтей судебной тирании сто тысяч жертв. Не один раз я заставлял тирана бледнеть на своем троне и отворачиваться от своих ужасных приспешников.

Все время воюя с изменниками отечества, возмущенный их гнусностями и жестокостями, я сорвал с них маску, я предал их позорищу, я навлек на них всеобщее презрение. Я презирал их клеветы, их выдумки, их злословие; я не обращал внимания на их злобу, на их бешенство. В борьбе с их яростью я подвергался поочередно преследованию со стороны министров и муниципальной администрации; поочередно против меня издавали приказ об аресте полицейский суд, суд Шатлэ, законодатель. Далекий от того, чтобы дрогнуть перед этими жестокими врагами свободы и малодушно покинуть дело народа, я удвоил энергию. Двадцать военных экспедиций, направленных теперь против меня, и целая армия, двинутая для того, чтобы похитить меня у народа, только увековечили мою смелость. За мою голову была назначена награда, пять жестоких шпионов были пущены по моим следам и наняты две тысячи убийц, чтобы расправиться со мною; все это не заставило меня ни на одну минуту изменить своему долгу.

Чтобы избежать клинка убийц, я осудил себя на жизнь в подполье; открываемый время от времени батальонами альгвазилов, вынужденный бежать, блуждая по улицам среди ночи и нередко не зная, где найти убежище, отстаивая под кинжалами дело свободы, защищая угнетаемых с головою на плахе, я делался еще более страшным для угнетателей и мошенников. Такой образ жизни, один лишь рассказ о котором леденит сердца самые испытанные, я вел целых восемнадцать месяцев, ни одну минуту не жалуясь, не сожалея ни об отдыхе, ни об удовольствиях, не считаясь с утратой своего положения, своего здоровья и ни разу не бледнея при виде меча, все время направляемого на мою грудь. Да что я! Я предпочитал все это всем выгодам, подлости, всем прелестям богатства, всему блеску короны. Меня бы охраняли, ласкали, чествовали, если бы я только согласился хранить молчание, и сколько золота расточали бы мне, если бы я согласился обесчестить свое перо! Я отверг растлевающий металл, я жил в бедности, я сохранял свое сердце чистым. Я был бы теперь миллионером, если бы был менее щепетилен и если бы всегда не забывал о самом себе. Вместо богатств, которых у меня нет, я имею долги, которыми наградили меня вероломные издатели моей газеты. Я отдам этим кредиторам то небольшое, что у меня остается, и отправлюсь без гроша, без помощи, без средств прозябать в единственном уголке земли, где я еще могу спокойно дышать; сопровождаемый воплями клеветы, оскорбляемый общественными плутами, с которых я сорвал маску, преследуемый проклятиями врагов отечества, ненавидимый сильными мира сего и людьми, занимающими выгодные должности, отмеченный во всех министерских кабинетах как чудовище, подлежащее уничтожению, я, может быть, буду скоро забыт народом, ради спасения которого я принес себя в жертву, счастливый, если сожаления патриотов меня сопровождают туда; но я уношу с собою почетное свидетельство моей совести, и меня будет провожать туда уважение сильных душою.

Как бы ужасна ни была моя участь во время моего продолжительного пленения и как бы печальна ни была перспектива, открывающаяся передо мною, я никогда не стану раскаиваться в жертвах, какие принес отечеству, и в добре, какое хотел сделать для человечества.

Я боролся без устали вплоть до сегодняшнего дня и покинул брешь только тогда, когда крепость была взята. Если существует во Франции хотя бы один образованный и решительный человек, который осмеливается упрекать меня в том, что я слишком рано отчаялся в общественном спасении и обнаружил недостаток твердости, то пусть он займет мое место и будет отстаивать его хотя бы только в течение недели.

Граждане, я не требую от вас ни сожалений, ни признательности, вы можете даже не сохранять памяти о моем имени. Но если какой-нибудь неожиданный поворот судьбы доставит вам когда-нибудь победу, не забудьте упрочить ее, пользуясь преимуществами своего положения, и помните, стараясь обеспечить свое торжество, советы человека, который жил только для того, чтобы установить у вас господство справедливости и свободы.

План революции, не удавшейся народу

Этот памфлет открывает историю 1792 г., когда Марат переходит к провозглашению новой революции во имя диктатуры «низов» — плебейских элементов города и деревни.

«Друг народа», 7 июля 1792 г.

Уже три года, как мы повергнуты в волнение, стремясь вернуть себе свободу, и тем не менее мы дальше от нее, чем в первый день;

никогда мы не были более поработаны, чем теперь.

Революция, обратившаяся против народа, представляет для него величайшее несчастье. Свобода, которую он считал основой всех благ, превратилась в государстве в неиссякаемый источник насилий, беспорядков, бедствий и клеветы. С самого начала революция была для двора и его приспешников лишь основанием для совращения, обмана, подкупа, происков, интриг, покушений, убийств, отравлений и губительных заговоров. Вскоре она стала для интриганов постоянным поводом для лицемерия, коварства, козней, происков, хитростей, продажности, низости и преступлений. Затем она сделалась для должностных лиц неистощимым источником притеснения и угнетения. Даже для самого законодателя она была лишь предлогом для проявления вероломства, мошенничества, плутовства, коварства и тирании. Она превратилась для богатых и скупых в незаконный предлог для монополий, захватов, ростовщичества, обмана и грабежа; этот ужасный разбой разорил народ и поставил бесчисленный класс бедняков перед опасностью погибнуть от нищеты или перед необходимостью продаваться.

Во все времена люди были в отношении друг друга тиграми. При старом порядке нашими господами были и деспот, и его агенты, и слуги, наперерыв обиравшие и угнетавшие нас, но закон давал нам естественную защиту и право жаловаться. При новом порядке закон, который должен был бы нас защищать, лишь угнетает нас; у нас больше нет господ, но мы стонем под железной палкой своих собственных уполномоченных; беззащитные, мы предоставлены на милость собственных агентов, и, в довершение ужаса, они угнетают нас во имя справедливости, они надевают на нас кандалы во имя свободы; они не позволяют нам разоблачить предателей, злоупотребляющих нашими полномочиями, чтобы нас погубить; они наказывают нас за противодействие тем вероломным, которые во зло употребляют силу, чтобы подавить нас; они считают преступлением, когда мы прибегаем к естественной защите; они запрещают нам всякий ропот и даже жалобы. В результате коварного устройства наших органов власти оказывается, что мы никогда не имели столько оснований жаловаться на наших прежних тиранов, сколько мы теперь имеем причин протестовать против варварства своих собственных представителей. Безумцы мы! потратим же всю свою жизнь на то, чтобы защищаться от покушений внутренних и внешних врагов, чтобы обороняться от посягательств должностных лиц и стенать под ударами угнетателей, чтобы пасть затем изнуренными бдением, усталостью, досадой, огорчениями и нуждой, испытав при мнимом господстве свободы в сто раз больше бед, чем нам приходилось опасаться при деспоте.

Повторим еще раз, не боясь, что мы сейчас дальше от свободы, чем когда бы то ни было: ведь мы не только рабы, но мы стали ими на основании закона в результате ряда коварных мер наших законодателей, ставших сборщиками восстановленного в правах деспотизма. Было бы безумием упорствовать в стремлении снова овладеть уже столь далеким от нас благом;

народ умер, и для него свобода потеряна без возврата. Но прежде чем покинуть свое дело, посмотрим еще несколько минут на сцену из глубины театра, в котором мы находимся, понаблюдаем игру актеров и чувства, владеющие зрителями, и поищем основные причины, помешавшие нам установить свободу, после того как мы на мгновение победили деспотизм.

Бросьте взгляд на государственную сцену. Изменились одни лишь декорации, остаются прежние актеры, прежние маски, прежние интриги и прежние движущие силы; по-прежнему существуют — деспот, окруженный приспешниками, по-прежнему — притесняющие и угнетающие нас министры, по-прежнему — несправедливый законодатель, по-прежнему — неверные и вероломные представители власти; по-прежнему — жадные, пресмыкающиеся, подавляющие и интригующие царедворцы; по-прежнему мелкие честолюбцы, бесстыдные интриганы, трусливые лицемеры, ловкие плуты, по-прежнему люди, скупаемые жаждой золота и глухие к голосу долга, чести и человечности, стремясь приобрести милости судьбы и пренебрегая справедливостью, пытаются завладеть всеми должностями в ущерб заслугам. Сегодня главные актеры за кулисами; там они с удобством строят козни совместно с теми, кто действует на наших глазах. Большинство последних уже исчезает; на сцене появляются новые актеры, с тем чтобы играть старые роли; они исчезнут в свою очередь, их места займут другие, и они также будут заменены, но в ходе политической машины не произойдет никаких изменений до тех пор, пока народ не станет достаточно проникновенным, чтобы расстроить замыслы обманывающих его плутов, и достаточно мужествен, чтобы наказать обманывавших его раньше негодяев. Но чего можно ждать от народа, пока не изменятся наши нравы. И в чем заключается лекарство от застарелой заразы, охватившей все слои?

Первая и главная причина безрезультатности наших стараний достичь свободы заключается в самой природе революции.

Доведенные до отчаяния злоупотреблениями деспотизма; народы сотни раз пытались разбить свои оковы.

Им это всегда удастся, когда вся нация восстает против деспотизма. Это бывает очень редко, и весьма обычно видеть разделение народа на две партии, из которых одна выступает против деспота, а другая—за него.

Когда каждая из этих партий составляется из разных классов общества, то той, которая выступает против деспотизма, часто удается его раздавить, потому что она имеет преимущества, помогающие ей подрывать его, в сравнении с партией, которая его поддерживает. Так происходило дело у швейцарцев, у голландцев, у англичан и у американцев.

Но этого не может случиться, если простонародье, т.е. низшие классы общества, борется одно с высшими классами. В момент восстания они все сокрушают своей массой, но, каковы бы ни были вначале их успехи, в конце концов они неизменно терпят неудачу; они всегда лишены знаний, умения, богатства, оружия, вождей и плана действий, и потому у них нет средств от заговорщиков, преисполненных проникновенности, коварства и ловкости, от вечных интриганов, имеющих в своем распоряжении богатства, оружие, боевые припасы, все должности, требующие доверия, все средства, даваемые воспитанием, политикой, состоянием и властью. Так именно случилось с французской революцией; неверно, что вся нация поднялась против деспота: ведь он был всегда окружен своими приспешниками, дворянством, духовенством, судебными сановниками, финансистами, капиталистами, учеными, литераторами и их креатурами. Если вначале образованные, зажиточные и склонные к проискам люди низших классов были против деспота, то лишь затем, чтобы повернуться против народа, когда позже они добились его доверия и использовали его силы с целью стать на место упраздненных ими привилегированных сословий. Таким образом, революция была совершена и поддержана лишь самыми низшими классами общества, рабочими,

ремесленниками, мелочными торговцами, земледельцами, простонародьем, темп обездоленными, которых наглое богатство называет чернью и которых римская заносчивость называла пролетариями. Но никогда нельзя было представить себе, что она будет сделана исключительно в интересах мелких земельных собственников, юристов, приспешников крючкотворства.

План революция совершенно не удался. Так как она совершалась против деспотизма, то надо было начать с лишения деспота и его агентов всех прав, доверить власть уполномоченным народа и декретировать, что междуцарствие будет продолжаться в течение всего того времени, пока конституция не будет готова. Когда она была бы составлена, ее следовало бы представить государю, заявив ему, что он низложен, если бы он отказался поклясться в повиновении новым законам и в верности народу. На следующий день после взятия Бастилии представителям народа было бы очень легко осуществить это. Но для этого им надо было иметь убеждения и обладать добродетелями. Они же далеко не были государственными людьми, а почти все представляли с бой ловких мошенников, искавших случая продаться, и низких интриганов, подчеркивавших свои фальшивые гражданские добродетели, чтобы добиться более высокой цены за предательство. Поэтому они с самого начала обеспечили прерогативы короны, вместо того чтобы вынести решение о правах народа. Они сделали даже больше и начали с того, что вручили государю верховную исполнительную власть, поставили его над законодателем, поручили ему осуществление законов, оставили ему ключи от государственной казны, доверили ему управление национальными имуществами, командование флотом и армией и распоряжение всей военной силой с целью обеспечить ему средства для активного сопротивления делу свободы, для того чтобы легче было опрокинуть новый порядок вещей.

Но это еще не все; представители народа его именем лишили духовенство имуществ, дворянство — титулов, финансистов — положения, привилегированные сословия — преимуществ, но, вместо того чтобы сокрушить этих приспешников деспотизма, объявив, что они не могут занимать никаких должностей, они оставили им тысячи способов восстановить свое положение вместе с самим деспотизмом; радуясь возможности разделить их господство и их благополучие, представители народа вступили с ними в союз и продались деспоту. Поэтому первых представителей народа надо считать опорой контрреволюционеров и самыми смертельными врагами народа.

Если бы народ хоть знал свои права, если бы он мог оценить коварное поведение своих уполномоченных, понять необходимость остановить своих неверных представителей при первом их ложном шаге, решительно пресечь действия плохих граждан, освободиться от предателей и сохранить за собой верховные права в отношении санкционирования законов, но он даже не помыслил о том, как избежать возвращения под ярмо. Вместо того чтобы целиком вооружиться, он допустил вооружение лишь части граждан, затем он доверил свою участь своим уполномоченным и сделал вместе с врагами революции как раз обратное тому, что ему следовало сделать. Вместо того чтобы безотлагательно на них ополчиться и без передышки их преследовать, он сам начал обороняться, и благодаря такому неправильному поведению ему пришлось глупейшим образом отказаться от всех своих преимуществ; ведь если интриганы не всегда достигают успеха, то уже ничего худшего с ними произойти не может; даже терпя неудачу, они теряют лишь время, как только их планы оказываются расстроеными, они принимаются за дело с новыми усилиями, имея возможность лучше рассчитать свои действия, чем в первый раз. Но ведь нельзя быть всегда настороже, а малейшая неосторожность часто бывает роковой; судите же, к чему должны привести беззаботность и летаргический сон народа.

Лица, пытающиеся нас успокоить относительно нашего ужасного положения, приписывают наши несчастья недостатку знаний у народа; я, подобно им, верю в это, но лишь бы они не считали это единственной причиной зла. Затем, чтобы воодушевить нас надеждой, таящейся в глубине их сердец, они уверяют нас, что успехи разума, естественно, медленны и постепенны. Это правильно для небольшого числа мыслящих людей, но масса

народа не знает прогресса разума и знаний, хотя порой она как будто отказывается от некоторых предрассудков, или, вернее, меняет их. Хитрости ловкого, глубокого макиавеллизма от нее ускользают, и это будет всегда так. Ей не хватает и всегда будет не хватать прозорливости, чтобы обнародовать ловушки, расставленные врагами.

Политические споры всегда были, есть и будут выше ее понимания. Даже если предположить, что обстоятельства будут ей особенно благоприятствовать, она все же никогда не будет в состоянии подвергнуть анализу декрет, обнаружить скрытое в нем коварство, вывести из этого должные следствия, предусмотреть последствия и предсказать результаты. Если бы надо было привести яркий пример для доказательства этой печальной истины, то я сказал бы, что, несмотря на непрерывные речи наших патриотических обществ и поток сочинений, уже в течение трех лет заливающий нас, народ сейчас дальше от понимания того, что надлежит ему делать, чтобы оказать сопротивление своим угнетателям, чем в первый день революции. Тогда он полагался на свой природный инстинкт, на простой здравый смысл, который помог ему найти правильное средство, чтобы образумить своих неумолимых врагов.

С тех пор народ поучается толпой софистов, которые оплачиваются для того, чтобы скрывать под покровом общественного порядка удары, наносимые его суверенитету, чтобы покрывать плащом справедливости покушения на его права и чтобы представлять ему как меры, необходимые для защиты его свободы, шаги, предпринимаемые для ее уничтожения; его обманывает кучка усыпителей, заинтересованных в том, чтобы укрывать от него грозящие ему опасности, чтобы подавать ему тщетные надежды и советовать ему сохранять спокойствие и мир; он вводился в заблуждение толпой шарлатанов, заинтересованных в расхваливании поддельного патриотизма самых неверных должностных лиц, в приписывании самым отчаянным интриганам чистых намерений, в оклеветании лучших граждан, в обращении с друзьями революции, как с крамольниками, с защитниками свободы — как с мятежниками, с врагами тирании — как с разбойниками; в очернении мудрых мер, предлагаемых для обеспечения торжества справедливости; в превращении в сказки заговоров, затеваемых против отечества; в усыплении народа льстящими ему иллюзиями и в укрытии от него за картиной обманного счастья пропасти, в которую его пытаются свергнуть; народ вводится в заблуждение должностными лицами, объединившимися с предателями и заговорщиками, чтобы подавить его негодование, заглушить его обиду, взнудать его рвение и связать его смелость путем постоянной проповеди доверия к должностным лицам, подчинения установленным властям и уважения к законам; наконец, обманутый своими коварными представителями, которые усыпляли его надеждой отмщения за его права, обеспечения его суверенитета и установления царства свободы и справедливости, он, этот народ, позволил поймать себя в расставленные для него ловушки. Теперь он поработан во имя закона законодателем и угнетен во имя справедливости носителями власти, теперь он стал рабом на основании конституции; сейчас, когда он отказался от своего природного здравого смысла и дал увлечь себя вероломными речами стольких обманщиков, он далек от того, чтобы считать своими злейшими врагами коварных своих уполномоченных, сблизившихся со двором, своих неверных представителей, торговавших его самыми священными правами и самыми важными интересами, и всех негодяев, злоупотребивших его доверием, чтобы принести его в жертву его прежним тиранам; он далек от того, чтобы считать источником зла те губительные декреты, которые лишили его суверенитета, которые объединили в руках монарха все виды власти, которые сделали призрачной декларацию прав, снова наложили на народ цепи и сковали его кандалами. Он далек от того, чтобы попрасть ногами эту чудовищную конституцию, ради сохранения которой он глупейшим образом даст врагу удушить себя. Он далек от понимания того, что единственный способ установить свободу и обеспечить себе покой заключается в том, чтобы беспощадно уничтожить предателей отечества и утопить вождей заговорщиков в их собственной крови.

Друг народа — французским патриотам

Этот памфлет свидетельствует о тактической позиции Марата в революции 10 августа 1792 г.: необходимо, утверждает Марат, исправить ошибку, допущенную в июле и сентябре 1789 г., необходимо довести революцию до конца, установить революционную диктатуру.

Париж, 20 августа 1792 г.

Мои дорогие соотечественники!

Человек, который давно обрек себя на проклятия за вас, вырвался сегодня из своего подпольного убежища, чтобы постараться закрепить за вами победу.

Стремясь доказать вам, что он не недостоин вашего доверия, он просит разрешения напомнить вам, что над ним еще занесен меч тирании за то, что он раскрыл вам ужасные махинации ваших лютых врагов.

Он предсказал вам, что ваши армии будут отправлены на бойню их вероломными генералами, и три позорные поражения сигнализировали открытие кампании; он вам предсказал, что границы государства будут открыты врагу, и враг уже во второй раз овладел городом Гавэ; он вам предсказал, что развращенная часть Национального собрания всегда будет предавать отечество, и коварство двух его последних декретов, довершая негодование общества, вызвало в конце концов жестокие, но неизбежные события этого дня.

Он предсказал вам, что вас всегда будут предавать ваши вероломные агенты, чиновники, до тех пор, пока вы не будете принуждены пролить кровь для спасения отечества, и вы сейчас подтвердили эту печальную истину.

Мои дорогие сограждане, поверьте человеку, который знает все интриги и комплоты и который в течение трех лет был на страже вашего блага.

Славный день 10 августа 1792 г. может оказаться решительным для торжества свободы, если вы сумеете использовать свои преимущества. Большое число прислужников деспота пало в бою. Ваши непримиримые враги как будто поражены, но они не замедлят очнуться от транса и воспрянут, более страшные, чем когда-либо. Вспомните о разбирательстве в Шатле событий 5—6 октября. Бойтесь следовать голосу ложной жалости. После того как вы пролили кровь, чтобы извлечь отечество из пропасти, бойтесь сделаться жертвами их тайных происков; бойтесь того, что когда-нибудь во мраке ночи свирепая солдатня стащит вас с вашего ложа и бросит в темницу, где вы предоставлены будете своему отчаянию, пока они вас не умиртвят на эшафоте.

Страшиться реакции: повторяю вам, — ваши враги не пощадят вас, если судьба повернется к ним лицом. Итак, не щадите; вы погибли безвозвратно, если вы не поторопитесь вышвырнуть подкупленных членов муниципалитета, департамента, всех мировых судей — антипатриотов и наиболее запятнанных членов Национального собрания. Я говорю о членах Национального собрания; в силу какого пагубного предрассудка, какого фатального респекта стали бы мы их щадить? Вам беспрестанно говорят, что, как ни плохо Национальное собрание, следует объединиться вокруг него. Это значит полагать, что следует собраться на mine, скрытой под вашими ногами, и вручить заботу о своей судьбе негодьям, решившим завершить ваше истребление; имейте в виду, что Собрание — самый страшный ваш враг. Покуда оно живо, оно будет стремиться вас погубить, а покуда у вас будет оружие в руках, оно будет стремиться льстить вам и усыплять ложными обещаниями. Оно будет действовать под сурдинку, чтобы сдержать ваши усилия, и когда оно этого достигнет, оно предаст вас наемным приспешникам. Помните Марсово поле.

Никто не питает большего отвращения к пролитию крови, чем я. Но для того чтобы она не лилась ручьями, и настаиваю, чтобы вы пролили несколько капель. Для того чтобы примирить долг гуманности с заботой об общественной безопасности, я предлагаю вам казнить каждого десятого из числа контрреволюционных членов муниципалитета, мирового суда, департамента, Национального собрания. Если вы отступите, имейте в виду, что кровь, пролитая в этот день, будет пролита бесплодно: вы ничего не сделаете для свободы.

Но, что важнее всего, — держите короля, его жену, его сына как заложников, и до тех пор, пока не будет произнесен окончательный приговор над ними, его надо четыре раза в день показывать народу. Так как от него зависит навсегда удалить наших врагов, заявите ему, что, если через две недели австрийцы и пруссаки не будут в двадцати лье от границы и так, чтобы не возвращаться больше, его голова скатится к его ногам. Потребуйте от него, чтобы он собственноручно начертал это ужасное решение и чтобы он его препроводил своим коронованным сообщникам. Это его дело избавить вас от них.

Задержите также бывших министров и заключите их под стражу.

Все контрреволюционные члены генерального штаба должны быть казнены, все антипатриотические офицеры изгнаны из батальонов; разоружите разложившиеся батальоны Saint-Roche, Filles Saint-Thomas, Notre-Dame, Saint-Jean en greve, Enfants Rouges. Все граждане-патриоты должны быть вооружены и вполне достаточно снаряжены.

Наконец, заставьте взять назад декрет, который признает невинность вероломного Мотье; требуйте созыва Конвента, который судил бы короля и преобразовал бы конституцию; самое главное, пусть его члены избираются не избирательными корпусами, а первичными собраниями.

Заставьте издать декрет о немедленной отсылке иностранных и шведских полков, которые обнаружили враждебность к революции.

Наконец, заставьте Собрание оценить головы ваших свирепых угнетателей, беглых Капетов, изменников и мятежников. Бойтесь, бойтесь упустить единственный случай, который ангел-хранитель Франции предоставил вам, чтобы вырваться из пропасти и обеспечить свою свободу.

Друг народа — храбрым парижанам

Этот памфлет был опубликован в ночь с 25 на 26 августа, после известия о сдаче Лонгви пруссакам. Он является подготовкой к сентябрьским событиям 1792 года, когда ввиду преступного бездействия Законодательного собрания революционная масса взяла на себя расправу над монархистами, сидевшими в тюрьмах.

Мои дорогие сограждане! Многочисленные орды деспотов, заговорщиков приближаются к нам. Отечество скоро падет под их ударами; через две недели его не будет; мы сами исчезнем из числа живых, если не прекратим на момент нашу вражду, если не отбросим на время наших разногласий, если не заставим умолкнуть все мелкие страсти, для того чтобы объединиться против общего врага, чтобы принять, наконец, серьезные меры спасти наши дома от разграбления, наших жен и дочерей — от грубости свирепой солдатни, наших детей — от позорного ярма рабства и наши жизни — от ножа убийц.

Друг народа клянется вам на коленях: он первый хочет дать вам пример гражданственного подчинения. Не сомневайтесь — мы погибли навсегда, если сегодня же все друзья свободы, все солдаты национальной гвардии, все храбрые" санкюлоты, умеющие обращаться с оружием, не запишутся в число желающих идти против врага; если все те, кто откажется идти, не вручат своего оружия своим братьям, готовым сражаться; если все лошади, которыми можно располагать в столице, не будут взяты для легкой конницы; если вся жандармерия не получит приказа идти; если военный министр не распорядится занять немедленно парижские высоты и придать им обороноспособность; если он не пошлет тотчас же специалистов, чтобы расположить лагерь в позиции, наиболее способной задержать неприятеля.

Коммуна должна с сегодняшнего же вечера обязать всех граждан под страхом смерти принести оружие, которое не служит для экипировки; с сегодняшнего вечера должны быть назначены комиссары, чтобы произвести инквизиторские розыски во всех подозрительных домах; Коммуна должна назначить трех образованных и непреклонных комиссаров, которые стояли бы на страже общественного блага; все оружейные мастера, полировщики, рабочие, занятые производством ножей, слесаря должны получить приказание фабриковать публично и непрерывно пики и кинжалы.

Во имя свободы, отечества, человечества и ради спасения ваших жен, ваших детей, грядущих поколений, рода человеческого и вас самих, мои дорогие сограждане, прислушайтесь к голосу вашего верного друга и объединитесь для спасения республики. Напрасно те из вас, которым благоприятствовала фортуна, пытались бы изолироваться, спрятаться и остаться праздными. Париж будет отдан на разграбление, и прежде всего их дома будут опустошены. Забота о сохранении их имущества и их жизни подсказывает им одно решение: объединиться со своими братьями и бороться вместе с ними. Все граждане, готовые сражаться за отечество, должны с сегодняшнего дня содержаться за счет нации.

Сказать ли вам, мои дорогие друзья: быть может, вы будете вынуждены ради спасения народа назначить триумvirат из людей, наиболее просвещенных, наиболее честных и неустрашимых, которые согласуют все свои мероприятия в совете, составленном из патриотов, наиболее разумных и безупречных.

Не пугайтесь слов: обеспечить торжество свободы и общественное благо можно только силой. Носители национальной власти должны иметь полномочия только на то, чтобы сокрушить врагов революции, и не иметь никаких полномочий на то, чтобы угнетать своих сограждан, что будет порукой, что поведение их правильно. Миссия их должна закончиться в момент, когда враг не сможет уже оправиться. Вы терпели столько веков, чтобы наглые хозяева пользовались произвольной властью губить вас, — станете ли вы отказывать самым добродетельным из ваших братьев в такой же власти, которая должна вас спасти. Для того чтобы сдержать внутренних врагов, достаточно будет противопоставить им ножи.

Примирение с Жирондой невозможно!

Этот памфлет представляет интересный автобиографический материал о деятельности Марата.

«Публицист французской республики», 19 марта 1793 г.

Сейчас все говорят о примирении обеих партий, на которые делится Национальный конвент, как об единственном средстве спасения родины. Бесспорно, что пока он раздражается духом розни, он не в состоянии не только спасти государство, но и сделать что-нибудь для общего блага, притом по двум основным причинам.

Первая из них заключается в том, что, не соединившись, его члены не имеют возможности создать разумные законы и принять обдуманые и действительно благотворные меры. Вторая причина сводится к тому, что вследствие весьма скандальных сцен, происходящих в недрах Конвента, он утрачивает доверие народа, без которого законодатель не может внушать должного уважения к законам.

Я не стану рассматривать вопроса о том, приведет ли нас это желание примирения прямо к цели, так как позволено сомневаться, могут ли люди, не умевшие установить порядок в собственных собраниях, ввести его в обширном государстве.

Но является ли желание примирения добросовестным и может ли патриотическая партия пойти на него вслепую, если принять во внимание, что оно предложено враждебной партией, в момент, когда она навлекла на себя проклятия общества в большинстве департаментов и вскоре навлечет их на себя во всех остальных, которые будут осведомлены национальными комиссарами; если принять во внимание, что оно предложено в такой момент, когда неверный главнокомандующий сорвал с себя маску и захватил верховную власть в Бельгии и Голландии; в такой момент, когда стало очевидно, что некоторые члены замешаны в происках Дюмурье, и когда можно думать, что им позволят набросить покров на прошлое, чтобы путем этого предполагаемого примирения привести к амнистии? Во всяком случае можно усомниться в искренности такого примирения; между тем, если оно не будет чистосердечным и добросовестным, оно приведет лишь к устранению других способов общественного спасения и послужит к продлению наших бедствий.

Что касается меня, то я не столько надеюсь на эту искренность, сколько желаю ее. Как бы то ни было, так как я отнюдь не намерен препятствовать примирению, а сейчас все считают своей обязанностью выяснить свои ошибки, то я спешу рассеять тучи, нависшие, невидимому, надо мной. Я не могу скрыть от себя, что государственные люди считают меня как бы камнем преткновения, основываясь на тоне моих статей, появившихся с начала революции. Поэтому я буду себя судить со всей строгостью, изображая себя, однако, таким, каков я есть.

Они постоянно изображают меня анархистом, который повергает во прах все законы и которому нравится только беспорядок.

Я приближаюсь к пятидесятилетнему возрасту, и уже с шестнадцати лет я сам безраздельно руковожу своим поведением. Я прожил два года в Бордо, десять лет в Лондоне, один год в Дублине и Эдинбурге, один — в Гааге, Утрехте и Амстердаме и девятнадцать лет в Париже, и я объездил пол-Европы; пусть перелистают полицейские реестры этих разнообразных стран, и я ручаюсь, что мое имя ни разу не будет в них обнаружено в связи с каким-нибудь нарушением законов; пусть соберут всякие сведения, и я ручаюсь, что ни один человек под небом не сумеет упрекнуть меня хотя бы в одном бесчестном поступке; но может ли человек, умевший уважать во всех странах установленный порядок, быть анархистом?

Они изображают меня, кроме того, честолюбцем, стремящимся к власти. Но честолюбец неизбежно бывает интриганом. Если же отбросить первые годы моего детства и время, затраченное на путешествия, на медицинскую практику и на выполнение обязанностей законодателя, то окажется, что я провел всю свою жизнь в кабинете за изучением природы и за размышлениями. За последние четыре года изменился лишь предмет моих мыслей; все мое время было поглощено политикой, защитой угнетенных, раскрытием заговоров против отечества, преследованием зачинщиков всяких козней; мои бумаги были два раза захвачены, моя переписка всегда была под надзором моих врагов, и я ручаюсь, что в ней никогда не было обнаружено ни одного слова, свидетельствующего об интриге; меня никогда не видали за столом у министров, в кружках, в тайных комитетах, и не подлежит сомнению, что мое имя никогда не было скомпрометировано участием в интригах, которые велись с начала революции.

Если замкнутая и уединенная жизнь, которую я всегда вел, недостаточно доказывает всю нелепость предъявляемых мне обвинений, то я мог бы привести свидетельства всех тех, кто знал меня в частной жизни, что я придерживаюсь строгих нравов, что я менее всего забочусь о благосостоянии, о почестях и высоком положении, что я умею довольствоваться рисовой похлебкой, несколькими чашками кофе, моим пером и физическими приборами. Все это не свидетельствует о честолюбии.

Они изображают меня людоедом и кровопийцей. Те, кто видал меня вблизи, и еще больше те, кто жил в тесной близости со мной, знают, что я не могу видеть страдания несчастных, что я всегда делю свой хлеб с неимущими и что я не оставляю себе ничего, когда у кого-нибудь из подобных мне не хватает необходимого.

Они изображают меня непоследовательным существом с восторженной головой. Я опубликовал до сего дня двадцать томов как по физиологии и медицине, так и по физике и политике; читайте же и судите сами.

Всего этого, конечно, достаточно для опровержения непрекращающихся нелепых обвинений, но этого мало для объяснения всех моих поступков, часть которых, как я соглашаюсь, может казаться тем, кто не знает их причины, уклонением от должного поведения; поэтому я хочу объяснить и обнажить всю свою душу.

У меня есть две господствующие страсти, с детства подчинявшие себе все мои способности, — любовь к справедливости и любовь к славе. Я привык к размышлениям; у меня характер пламенный, стремительный и упорный; наконец, моя откровенность подчас доходит до жестокости; моя душа чиста, и я вовсе не желаю проявлять ложную скромность, но я, может быть, имею несчастье придавать слишком большое значение добру, которое делаю, которое я хотел бы сделать. В этом заключается ключ к пониманию всего моего поведения; дальше будет видно, каким естественным путем объясняются самые различные мои поступки.

Мое рвение и усердие к науке всегда увенчивались довольно блестящими успехами. Этого было достаточно для возбуждения зависти. Я знаю, что ее можно ловко обезоружить, подчеркивая свою ложную скромность и льстя завистникам. Но притворство и хитрость противны моему характеру, я пренебрегал этими постыдными средствами и, не интересуясь последствиями, энергично выступал против шарлатанов, которые пользовались своей незаконно приобретенной, эфемерной репутацией, чтобы ставить мне бесчисленные преграды и мешать моему продвижению; это их еще больше раздражало и увеличивало количество моих многочисленных врагов.

Измученный к моменту революции преследованиями, которым меня так долго подвергала Академия наук, я с радостью воспользовался представившимся мне случаем, чтобы отбросить своих угнетателей и занять должное место.

Я вступил в революцию со сложившимися взглядами и настолько хорошо знал принципы высокой политики, что они стали для меня общими местами. Будучи лучшего мнения о мнимых патриотах из Учредительного собрания, чем они того заслуживали, я был поражен их теоретическими построениями и еще более возмущен их ничтожеством и недостатком добродетели. Считая, что им не хватает знаний, я вступил в переписку с самыми знаменитыми из них, именно с Шапелье, Мирабо и Барнавом.

Их упорное молчание в ответ на все мои письма вскоре доказало мне, что, хотя им не хватает знаний, они не заботятся о своем просвещении.

Я решил опубликовать свои идеи при помощи печати и основал «Друг народа»), я начал с тона строгого, но вежливого, с тона человека, желающего сказать правду, не нарушая общественных приличий. Этот тон я поддерживал в течение целых двух месяцев. Раздосадованный тем, что он не дал того результата, на который я рассчитывал, и возмущенный усилением дерзости неверных уполномоченных народа и вероломных представителей власти, я понял, что надо отказаться от умеренности и заменить иронию и простую критику сатирой; острота ее возрастала по мере увеличения числа вероломных лиц, усугубления несправедливости, положенной в основу их правления, и усиления общественных бедствий.

Убежденный в развращенности приспешников старого порядка и врагов свободы, я понял, что от них нельзя ничего добиться иначе, как силой; возмущенный их преступлениями, их постоянно возобновлявшимися заговорами, я признал, что этому можно положить конец, лишь истребив преступных зачинщиков; негодуя на то, что представители народа находятся среди его самых смертельных врагов и что законы служат лишь для устрашения невинных, которых они должны были бы защищать, я напомнил народу, обладающему верховной властью, что, так как ему больше нечего ждать от своих представителей, то он должен сам отомстить за себя, что он несколько раз и сделал.

При каких же обстоятельствах говорил я об этой жестокой мере? Во времена, когда я видел отечество увлеченным в пропасть, в минуты негодования и безнадежности, когда тирания, направленная против лучших граждан, представлялась мне во всем своем ужасе. По мере того как беспорядки устранялись или казалось, что принимаются меры для их устранения, мое менее взволнованное сердце внушало моему перу менее жестокий тон, но, видя вскоре новое покушение, я снова возвращался к прежним мыслям. Я привык писать, исходя из своих взглядов. Я привык писать на основании того, что я чувствую, между тем без принятия этой единственной меры, способной, по моему мнению, положить предел нашим бедствиям, мы снова увидим зрелище новых произвольных действий.

В этом заключается ключ к пониманию моего поведения.

Из истории разных народов мира, на основании знаний, даваемых разумом, и принципов здоровой политики мне ясно, что единственный способ упрочения революции заключается в том, чтобы партия свободы раздавила партию своих врагов.

Следуя этому убеждению, я предложил энергичные действия, которые приспешники деспотизма назвали кровожадными. Мне пришлось бы лучше по вкусу более мягкие меры, если бы они были действительны; поэтому я иногда прислушивался к предложениям законных мер для наказания лиц, нарушающих свой долг, угнетателей и интриганов, но вскоре, убедившись с негодованием в том, что эти мероприятия смехотворны, что они дают лишь новое оружие нашим врагам, я вернулся к своим первоначальным взглядам; поэтому не я непоследователен, а законодатели и должностные лица, обманувшие народ своими лживыми обещаниями, своими смехотворными мероприятиями, своим нарушением долга и своими преступлениями. Моя видимая непоследовательность является только следствием постоянных обманов врагов отечества.

Господа государственные деятели, я убежден, что вы не переменили свою душу сразу, как только прибыл курьер, привезший сообщение о том, что Дюмурье изменил долгу, в чем оказались скомпрометированы некоторые ваши вожаки.

Тем не менее вы говорите об объединении; я уже сказал вам, что единственное действительное объединение заключается в голосовании вместе с патриотами Горы для спасения государства и что они согласятся лишь на это. Что касается меня, то со мной надо вести переговоры добросовестно, так как я ненавижу лукавство; хитрости ни к чему не приведут, потому что я слишком хорошо знаю свет, чтобы меня можно было ими обмануть; они обернутся лишь против своих творцов. Одна единственная черточка, доказывающая неискренность убеждений, уничтожает их в моих глазах. Поэтому после ужасной сцены, происшедшей в заседании 16-го числа по поводу мученика свободы, несчастного Дюкруа, когда государственные люди в течение пяти часов прилагали усилия, чтобы удержать его в темнице, я счел предложения о мире, сделанные их вожаками при получении известия о преступлении Дюмурье, лишь обманом, предназначенным для выигрыша времени, для задержки комиссаров, отправляемых в Бельгию, чтобы послать пока эмиссаров, которые извлекли бы из рук главнокомандующего преступную переписку, компрометирующую нескольких вожаков этой партии. Мне даже показалось на заседании, происходившем в пятницу утром в Комитете общей обороны, что Гюаде так сильно угодничал перед Дантоном только для того, чтобы привлечь его к себе и добиться таким путем осуществления желаний гнусной клики.

Из этого вытекает, что нельзя рассчитывать на присоединение государственных людей к патриотам Горы; общественному благу будет угрожать опасность до тех пор, пока приспешники королевской власти, голосовавшие против казни тирана, не будучи удалены из недр Конвента.

М., 1937

Жиронда обвиняет Марата

В связи с решением Конвента о предании Марата суду, он выступает в печати в свою защиту.

«Публицист французской республики», 17 апреля 1793 г.

Декретировать, что я буду арестован, — это значит ничего не сделать для клики государственных людей; все скоро стали бы относиться к этому декрету, как к произвольному действию деспотизма, и он бы только возмутил умы; поэтому для того, чтобы прикрасить его, потребовался обвинительный декрет, мотивированный в предварительном докладе; это единственный способ ввести в заблуждение народ, выдать меня за клеветника, преследуя меня как преступника, и снять с самих себя позор, которым я покрыл их, принудив их признать себя соучастниками Дюмурье, сторонниками Орлеанского, приспешниками роялизма. Я предал их анафеме; они погибли бы, если бы не погубили меня в свою очередь, и они понимали, что у них не оставалось времени для размышлений; итак, обвинительный доклад был внесен по открытии заседания следующего дня. Он содержит три основных обвинительных пункта.

Первый сводится к тому, что я подписал в качестве председателя якобинского общества патриотический адрес, который клика государственных людей, желающая спокойно совершить свои измены, называет зажигательным. Возмущенные подобным обвинением, около двухсот членов Горы отправились в бюро и вместо всякого ответа подписали адрес. Этот искренний и наивный поступок привел клику в замешательство. Все добрые граждане республики, друзья свободы, защитники родины, не могут не одобрить этот адрес. Я ограничусь указанием, что вменить мне его в вину — значит объявить себя дурным гражданином, врагом свободы и предателем родины.

Второй пункт обвинения сводится к тому, что в газете от 25 февраля, подписанной мною, я советовал грабеж и убийство. Я отрицаю это ложное обвинение; достаточно прочесть эту газету, чтобы увидеть, что, возмущенный интригами, к которым прибегли враги родины с целью довести народ до отчаяния, сокрушаясь зрелищем перекупщиков, стремящихся снова надеть на него цепи при помощи чрезвычайного повышения цен на съестные припасы, нищеты, голода, и возмущенный постоянной болтовней представителей народа, никогда не принимающих никаких действительных мер для прекращения этих беспорядков, я указал им, что мера, наиболее способная пресечь их, диктуется простым здравым смыслом, что во всякой стране, в которой свобода не призрачна, разгром нескольких магазинов и повешение у их дверей перекупщиков быстро пресекли бы этот разбой; больше того — я объявил им, что подобные мероприятия у нас неприменимы, и я указал им ту меру, которую наша глупость и низость позволяют нам применить. Это значит не рекомендовать убийство и грабеж, а обсудить средства прекращения самого ужасного беспорядка, доводящего народ до рабства страхом голодной смерти. Способы эти предлагались только законодателю; между тем я имел право предлагать их не только ему, — я имел право предложить их с трибуны как член Законодательного собрания; я имел право предложить их как политический писатель и простой гражданин. Следовательно, нелепо ставить мне это в вину и глупо со стороны клики государственных людей делать из этого пункт обвинения; ничто не доказывает так ее глубокой низости, как то, что она воспользовалась моментом опубликования этого номера газеты для разгрома посланными эмиссарами нескольких лавок бедных бакалейных торговцев, чтобы затем обвинить меня в этих беспорядках. Ничто не показывает так ее тупого ожесточения, как то, что она набросилась на одного меня, между тем как среди негодяев, подстрекавших народ к грабежу этих лавок, имелись бывшие придворные дамы, бывшие аристократы, слуги эмигрантов, которые были задержаны, затем втихомолку освобождены и о которых клика, покровительствующая беспорядкам, убийцам и рабителям, тщательно умолчала.

Установлено, что этот пункт обвинения, выдвинутый против меня кликой государственных людей, ограничивается предложенным мною средством, которое я считал вполне пригодным для прекращения губительного разбоя перекупщиков. Конечно, оно не понравилось ей, потому что оно должно было пресечь источник беспорядков, но она не могла ставить его мне в вину, как бы ошибочно оно ни было; добросовестно предложив его в качестве депутата, я не могу быть ответственным за него ни перед какой земной властью.

Третий обвинительный пункт сводится к тому, что я сказал, что нужно снести двести тысяч голов. Я имел в виду не это. Вот факты.

Наблюдая ход события в начале революции, пораженный бесплодием мер, принятых для пресечения козней врагов родины, и приведенный в отчаяние потоками крови, проливаемой патриотами, я сказал, что пятьсот-шестьсот голов, вовремя снесенных, положили бы конец всем заговорам и укрепили бы свободу. Возмущенный зрелищем смут, беспорядков, несчастий, бедствий, без конца усиливавшихся в течение ряда лет вследствие вечных козней приспешников старого порядка, лиц, пользующихся покровительством двора, врагов родины, предателей и заговорщиков, я сказал, что свобода никогда не восторжествует, пока не будут снесены преступные головы двухсот тысяч негодяев. Я отлично понимаю, что это не могло успокоить врагов общественного дела, но это было простое предсказание политического деятеля, умеющего читать в будущем; кто же во всем свете имеет право поставить мне это в вину? Следовательно, мои враги по глупости сделали из этого пункт обвинения, желая предать меня суду революционного трибунала.

Вот мои ответы на главные пункты обвинения; они столь же просты, как и неопровержимы. Патриоты из Конвента уже сами дали ответ, выразив свое возмущение докладом комитета; они требовали предварительного обсуждения обвинительного декрета, которым он заканчивается, но клика негодяев получила за отсутствием комиссаров-патриотов преобладание по своей численности. Что же сделали патриоты? Они потребовали поименного мотивированного голосования, и, несмотря на возражения, оно было проведено. Заседание длилось с трех часов вечера до восьми часов утра, т.е. непрерывно шестнадцать часов, в течение которых депутаты, как и публика, не сходили с мест. На этом торжественном заседании, еще более почетном для депутатов-патриотов ввиду энергии, проявленной ими для защиты принципов истины, чем лестном для Друга народа, ввиду славных свидетельств честности и гражданских добродетелей, полученных им от его дорогих коллег, — все, что негодование может внушить горячим защитникам родины, было высказано государственным людям под шум аплодисментов многочисленной публики; все их замыслы, вся их гнусность и низость были обнаружены, их выходки против Друга народа сопровождались длительным шиканьем. Наиболее умеренные из них воздержались от голосования, но все были покрыты позором. Наконец, двумястами десятью голосами, несмотря на возражения ста тридцати патриотов, отвергавших обвинительный декрет, он был принят.

Таким образом, против меня в третий раз издается врагами родины, преобладающими в наших национальных собраниях, обвинительный декрет, — опять по тем же причинам и с тем же ожесточением. В Учредительном собрании он был издан кликой Казалеса, Мори, Вирье, Рабо, Монлозье, Малуэ и прочими, за то, что я предсказал истребление национальной гвардии, влекомой на бойню; предсказал наши постыдные поражения у Монса, Куртре, Турне и все бедственные события первой кампании; под тем предлогом, что я клеветал на наших генералов и уничтожил доверие к нашим армиям, что весьма не нравилось плутам, вызвавшим объявление войны.

В Конвенте такой декрет был издан против меня роялистской кликой государственных людей, возглавляемых Гюаде, Верньо, Бюзо, Бриссо, Рабо, Ласурсом, Жансонне и др., за то, что я преследовал их как соучастников Дюмурье, за то, что я разоблачил их как лицемеров и отвратительных заговорщиков и вынудил их самих признаться в том, что они сторонники Людовика-Филиппа Орлеанского, приспешники королевской власти, пользующиеся покровительством эмигрировавших и мятежных Капетов.

Так как обвинительные декреты, изданные против меня Учредительным и Законодательным собраниями, представляли собой тиранические действия, произвольно совершенные неверными своему долгу депутатами, продавшимися деспоту, то я попрал их ногами в силу неотъемлемого права всякого свободного человека сопротивляться угнетению, в какой бы форме оно ни проявлялось. Общественное негодование заклеивало их; они остались безрезультатными, а творцы их были покрыты позором.

Я мог бы придерживаться того же образа действий по отношению к декрету об аресте, только что изданному против меня роялистской и контрреволюционной кликой государственных людей. Однако я воздержусь от этого — не потому, что я не имею на это права, а потому, что я не хочу подкрепить ложь, распространенную во всех департаментах их покровителем Роланом, и клевету, которую они сами не перестают ежедневно распространять там. Поэтому я жду для того, чтобы явиться в революционный трибунал, лишь уведомления меня при посредстве обвинительного акта. Я испытываю полное доверие к справедливости моих судей; мне будет легко привести в замешательство доносчиков, доставить торжество моей невинности, вернуть себе свободу и снова посвятить себя защите родины. Мое присутствие на трибуне Конвента нужно теперь более, чем когда бы то ни было; теперь, когда общественное благо находится со всех сторон под угрозой, я горю и терпением исчерпать вопрос и покончить со зверством моих врагов. Если я отказался пойти под арест, то это следствие моего благоразумия; испытывая уже два месяца болезнь, требующую ухода и делающую меня склонным к раздражительности, я не хочу предаваться в мрачном месте, среди грязи и нечистоты, скорбным размышлениям о судьбе добродетели на этом свете, порывам возмущения, поднимающимся в благородной душе при виде тирании, неизбежной вследствие этого запальчивости и бедствия, которые могли бы проистечь из святого негодования. Я заявляю, что, пренебрегая всеми обвинительными декретами на свете, я всегда буду считать себя невинной жертвой преступлений наших презренных врагов.

Новая революция не закончена

Парламентская республика не гарантировала полной победы демократии, поэтому после революции 2 июня 1793 г. Марат призывает к установлению революционной диктатуры.

«Публицист французской республики», 8 июня 1793 г.

Нельзя больше скрывать того, что мероприятия, проведенные до сего дня Учредительным и Законодательным собраниями и Конвентом для установления свободы и упрочения революции, были необдуманно, тщетны и призрачны, если даже они и были приняты искренно. Большинство их преследовало, невидимому, цель умножения злоупотреблений, увековечения угнетения, создания анархии, оскудения, нужды, голода; они должны были вызвать в народе усталость от независимости, превратить его свободу в бремя, заставить его ненавидеть революцию вследствие чрезмерных беспорядков, подавить его бдением, усталостью, лишениями, истощением, довести его голодом до отчаяния и привести к рабству при помощи гражданской войны. Таково было положение вещей около четырех лет тому назад, таково оно теперь, таково оно будет еще до тех пор, пока небу не будет угодно даровать французам крупицу здравого смысла, избавить дураков от непреодолимого желания проявлять себя, отнять у народа его роковое спокойствие, дать ему способность распознавания, мужество для прекращения своих страданий и выдержку в решениях.

У народа, не одержимого жаждой щеголять остроумием и яростным стремлением к отличиям, не может найтись ни одного здравомыслящего человека, который бы не понимал, что никакая революция не может укрепиться без того, чтобы одна партия не раздавила другую.

Французы претендуют доказать, что им удастся опрокинуть все свои политические учреждения для установления нового порядка одной силой философии; как будто самые повелительные страсти подчиняются голосу рассудка! Революция была совершена против деспотизма монарха, его придворных и привилегированных сословий; поэтому совершенно естественно, что, поднявшись, народ начал с уничтожения этих приспешников деспотизма. Кто бы поверил, что он не только не принял против них ни малейшей меры предосторожности, но и оставил за ними руководство восстанием, направленным против них же! Кто бы поверил, что он не только не лишил этих приспешников старого порядка всех должностей, но даже призвал их к устройству нового порядка! Между тем это совершенно верно: с первых дней революции он разрешил им присутствовать переодетыми в буржуазный костюм на всех его собраниях, выставлять напоказ любовь к свободе, говорить о равенстве и участвовать во всех его совещаниях. Что я говорю! Обманутый ложными проявлениями их гражданских добродетелей, он сам поставил их во главе своих советов, управлений, батальонов, армий. Только оказавшись сто раз одураченным вероломством и став жертвой их измен, он понял, что слуги старого порядка не могут служить новому, что аристократы, судейские крючкотворцы и слуги церкви всегда будут приспешниками роялизма, и, наконец, он потребовал, чтобы их устранили от всех должностей; это именно то, что их вероломные представители всегда остерегались декретировать. Еще теперь бесчестные царедворцы стоят во главе армий республики, прежние лакеи тирана повелевают защитниками свободы, прежние лихоимцы руководят нашим управлением, сподвижники крючкотворца составляют наши суды, лица, пользующиеся покровительством двора, заседают в сенате. Эти явные враги революции, находящиеся в союзе со священниками, капиталистами, финансистам», биржевыми игроками, крупными собственниками, продавцами предметов роскоши, интриганам всякого рода, челядью, негодьями, не перестают злоумышлять против родины и затевать погибель ее сынов.

Пока друзья свободы по всей республике не примут, наконец, против врагов родины, предателей и заговорщиков сурового решения, предписываемого заботой об общественном благе, нужно, чтобы все добрые граждане объединились против них.

Пример должны подать парижане; поэтому я приглашаю все секции собраться завтра на Марсовом поле, чтобы образовать там между собой и с Горой священную федерацию, поклясться друг перед другом сохранить республику единой и неделимой, никогда не покидать своих братьев в департаментах и защищать свободу до последнего вздоха.